

БОНД ЛАЙТ!

И Л Ь Я Р Е В И Ч

БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ-2

Издательский дом
«Частная коллекция»

Хабаровск 2011

...Вот мы недавно отмечали пятьсот лет со дня рождения этого художника – Леонардо да Винчи. Политбюро приняло постановление, чтобы пятьсот лет отметить. Срок немалый, потому что художник его заслужил... Почему? Потому что с душой рисовал. А у нас? Мы сейчас правильные решения примем, но если мы будем щуриться и делать вид, что не замечаем, как у нас под боком провокации под маской художники устраивают, то никакая умная резолюция не поможет...

Голоса из зала: *Правильно!*

Хрущев: *Я сам знаю, что правильно...*

Из стенограммы встречи руководства страны с культурной элитой

Признаюсь, не могу оставаться равнодушным после получения писем от благодарных читателей моей первой книжки. Благодаря их вопросам и советам, сама собой написалась и эта книжка. Надеюсь, что будут новые вопросы, новые советы, новые приветы и я куплю себе новые штиблеты.

И. Ревич

Матвею, Оскару и Марку –
внукам – посвящаю

НЕ БОЯЙ!

ОБОЖАЮ НЕЖНОСТИ...

Победа социализма над биробиджанским народом казалась окончательной и бесповоротной, но не тут-то было. Как гром среди ясного неба, грянула сексуальная революция в далеком, но нашеньском Париже. И, видимо, вдохновленный этим, незабвенный Веничка высказал вслух простую и понятную мысль, которую миллионы честных тружеников от Петушковых до Пастушковых, включая Биробиджан, проговаривали про себя, но не решались бросить её в лицо идеологическому истэблшменту.

Благодаря гениально-генитальной интуиции Венедикта: *обожаю нежности в области ...*, которая зревала не одно столетие в толще европейской культуры, произошло великое согласование генетики с эстетикой и политикой. А то раньше что получалось: эстетика – в лес, а генетика – по дрова. Да, наломали ученые дров, обнаружили какие-то молекулы, которые отвечают за организмы всякие. Открыв же факт существования генофонда народа, эти генетики стали политическим укором правителям-поводырям, пока они не сжили гене-

тиков со света. Как говорится, нет генетиков, нет и генетики. А ведь в главных газетах постоянно талдычили, что заводы, земля и генофонд с хромосомами принадлежат народу, но эти вожди, напрочь игнорируя передовицы своих газет, с неописуемым рвением уничтожали прекрасный народный генофонд. Они боялись слова «генетика», потому что всеми фибрами своих органов внутренней секретности чувствовали, что геноцид – это плохо, а генофонд – это хорошо. Однако, преследуя свои замыслы и помыслы, они уничтожали генетиков методами мирового космобандитизма в эпоху борьбы с безродным космополитизмом. Говорят, по новейшей переписи есть такая национальность. В Биробиджане один парнишка из бывшей союзной республики на вопрос о национальности сказал, что он плиточник. Ну, плиточник так плиточник. В принципе, неплохо. Но почему такое отношение к убойной пятой графе?

Быть может, дело в том, что наши вожди, пройдя суровую школу конспиративного подполья, изобрели знаменитый *крюк*. Однако вместо того, чтобы использовать его для подвешивания лаптей, они подавили в себе чувство прекрасного, связанного с этой самой нежностью, которую затем воспевал в агонии советизма, но уже в лёгкой манере антисоветизма писатель Венедикт. А ещё раньше, в суровые годы беспросветного царизма, когда жил наш народ в кабале, этим нежностям посвятил торжественно-восторженную песнь в своем первом томе академического издания сам Пушкин. Тут следует заметить,

что язык дан ученым для того, чтобы раскрывать свои мысли; поэтам он дан, чтобы скрывать свои чувства. Мысль же философам дана для того, чтобы скрывать то, что раскрывают ученые и скрывают поэты. Как бы то ни было, но у вождей чесались чистые руки, щемило горячее сердце и свербило в холодной голове, поэтому они не очень жаловали поэтов и философов. Хорошо, что у вождей были чистые руки, ведь брать этих поэтов и мыслителей нужно чистыми руками. Тем более если холодный металл приставить к тонкой шее человека с тонкой организацией души, то она, как известно, *мёрзнет без ошейника* (или намордника?). Но руки руками, однако остаётся вопрос: откуда растут чистые и красивые ноги? Как будто в этом вопросе есть что-то дьявольское и это не нужно во время социальных бурь и классового пароксизма страсти. Мой друг мне рассказывал, что когда он писал историческую диссертацию, работая в архивах, то обнаружил, что на каком-то съезде красных работников коммунально-банно-прачечного хозяйства автономной области (красрабкомбанпрачхозао) был введен в оборот старый подпольный слоган, по-партийному лозунг: *душистым мылом по революционным местам*. Это потом, когда наступили эпохальные революции в Азии, то Великий Кормчий в Поднебесной поддержал эту идею, а камбоджийские товарищи, усовершенствовав непобедимое учение в его практической части, стали бить очкастую интеллигенцию сразу мотыгой по голове, чтобы всё остальное само собой развали-

валось. Ведь недаром главный отпетый мотыжник получил образование в парижской Сорбонне. Таки возможна сертификация дипломов и на нашей улице. Таки алеет Восток.

Конечно, наш народ на мякине не проведёшь! Он для отвода глаз ругал эти нежности, честил их на чём свет стоит и даже превратил эти слова *в места ссылки* всех плохих людей. Однако втихаря нежности уважал и использовал по прямому назначению. Занимался он этим известным, хотя и загадочным делом с удовольствием. Благодаря народной темноте делались дети – при нормальной еще тогда экологии – хорошее и красивое потомство. Поэтому с точки зрения современности необходимость бионанотехнологий возросла до патриотических высот. Строго говоря, в обществе нужда в памятнике известным всему народу органам более остра, чем в памятниках органам, в которых служили *железные феникс, шурик и юрик*.

В этих нежностях проклёвываются ростки светлого будущего, вырабатывается гормон привлекательности и счастья. Никак не пойму, почему эти нежности используют в ругательствах и осквернительствах всего хорошего в нашей славной жизни, в которой не хватает нам взаимопонимания. Эти нехорошие слова считают памятником нашей эпохе. Такой вот нерукотворный памятник, к которому не зарастет народная тропа. А друг моего друга Файбусевич, который уехал со своим котом жить на постоянное место жительства в Монако, сказал: вот была бы новая

Мухина, тогда был бы и другой памятник. Не рабочий и колхозница, а следователь и заключённый, или чиновник и проситель, или безбилетник и кондуктор и так далее и тому подобное. Но этот вопрос ещё не решён окончательно. Ведь на вкус и цвет памятника нет. Как говорится, у каждой эпохи свои охи и вздохи.

Так вот, вернёмся к потрясающему открытию Венички. Если, например, спортсмен-бегун или медведь-шатун чувствуют мышечную радость на дистанции, то специалисты говорят, что без этой радости нет рекордов, нет бега вообще. Я думаю, что нет ничего стыдного от этой радости. Почему не стыдно сказать, что человек чувствует нечто радостное между рук или между глаз, а вот если между ног, то стыдно. Если радость между ушей, где у некоторых расположен ум, то возникает улыбка. А если радость *там*? Да, да, *там*? Дорогой мой читатель, не красней, добивайся правды от всех органов. Нам нужен правдопорядок. Однако нас приучили стыдливо помалкивать. Эта правда вгоняет нас в краску. Поэт сказал: это интим, а о *самом интимном не треплутся*. Но он имел в виду – новый строй для общества, говоря про это во время народного воодушевления. Согласен, что это такой интим, который открывает дорогу всенародному счастью, а счастье народа – это такой интим, который уже больше, чем интим, так как внутренне влияет на внешнюю политику. Интим в России больше, чем интим. Недаром отцы-основатели Америки про счастье даже в своей Де-

кларации написали. С подачи Тома Джефферсона. Не постыдились пуритане. Потом на этой основе американские афры изобрели джаз. И всё стало понятно с антиамериканизмом и музыкальным эротизмом. Это потом отцы уже нашей нации ввели так называемые туры классовой ненависти, когда важных работников под наблюдением передовых рабочих в штатском стали возить в Америку для обострения классового вкуса в деле преодоления страха перед будущим. *Если глаз твой врага не видит, пыл твой выпили нэп и торг, если ты отвык ненавидеть, – приезжай сюда в Нью-Йорк,* – написал лучший поэт эпохи. Так вот, наглотались модерна, а капитализм взял да переметнулся на нашу сторону. Он им показал *кузькину мать* и попросил у нас политического убежища. Но счастье нашего народа пока под вопросом. А ведь написал *сие* поэт, в том числе, и нашему кондовому крестьянину-фермеру, ухаживающему за своим яблоневым садом, которому здоровье его лошадки важнее, чем выработка классового чутья к заокеанскому народу в эпоху консолидации всех голодранцев всех стран. Как разорваться бедному нашему Савраске между родной Ивановкой и абсолютно чужой ему ньюйоркщиной? Не разжёл ли сей гениальный поэт ужасную холодную войну на нашу голову? Не разжёл ли сей гениальный поэт погребальный костёр наших надежд?

Конечно, можно сказать, что с изобретением американской конституции и ответного хода со стороны глашатаев мировой заварухи – *мы на горе всем*

буржуям мировой пожар раздуем – началась холодная война. Отсюда стало ясно, что судьба Советов была решена не в их пользу с момента изобретения джаза: сегодня он танцует джаз, а завтра родину продаст. С этого упоминания нередко начинались собрания передовой молодежи ихнего резерва, но на народные деньги. Да, у нас была критика джаза, но я не могу понять тех блюстителей исторической истины, которые идейно возбудили всех аппетитных комсомолок, оставив их наедине со своей сексуальной совестью. Ведь мы со всей бдительностью понимания международной обстановки крепко по-мужски любили неудовлетворённых негров, но с прохладцей относились к удовлетворённым негритянкам. Одиноко, как бы в сторонке, стоит вопрос об отношении к никогда не удовлетворённым современным состоянием джаза евреям. А ведь они тоже попались, как *зёрнышко меж жерновов*... Однако стоило нашим темнокожим братьям свободно вздохнуть, благодаря-таки джазу, и томно посмотреть на комсомолок, так сразу джаз превращался в хулиганство, и на танцплощадках начиналась сексуальная борьба вместо классового и расового мира. Почему? Дело в том, что джаз учит свободно двигать всеми частями тела. Даже теми частями, на которые наложен запрет идейной дисциплины. Хотя у тела тоже есть личное достоинство, а иногда у него есть даже голова. А кому нужна свобода тела в эпоху обострения? А кому нужна голова на теле, если танцуют избранные, но не избираемые. Короче, написав в своей славной

Декларации о счастье, эти заокеанские пуритане просто-напросто осуществили заговор против всего человечества, распространяя свободу тела по всему миру. Они призывали наш народ свободно читать иностранные газеты и играть джаз. А это чистое вмешательство во внутренние дела органов внутренней секретности и в светлую явь исторического пути. В кабинетах товарищи вкрадчиво спрашивали, зачем вам этот чадающий факел американизма, когда у нас есть солнце великих идей антиамериканизма. Они искренне предлагали бесплатный сыр в спецпсихопансионате с прослушиванием спецлекций о правильной дороге, по которой идут наши вожди, держа в мозолистых руках факел революции, катя впереди пороховую бочку с дёгтем.

Вне сомнения, что сделать народ счастливым, довести его до апогея апофеоза посредством продовольственной безопасности, зомбоящика или на митингах против натовской военщины – это мечта любой политической партии, впавшей в транс. Будь она хоть партией любителей американского президента, партией любителей русского президента или партией любителей пива, футбола, собак, котиков и всех прочих морских котиков. Хотя, конечно, можно выдумать такую партию, которая бы установила на земле вечный мир. Например, партию любителей философа Канта. Интересно, у Канта была собака? И он её любил? Ведь человек человеку, по Канту, никакой не волк, человек человеку – сытая и причёсанная собака. Говорят, что от собак веет человеческим

теплом. Насобачившись с делом гуманизма на собаках, в порядке эксперимента, можно потом переключиться на людей.

Наособицу стоит вопрос о том, как выбирать средство и инструмент для достижения счастья. Ведь нужно найти такой инструмент (или орган?), благодаря которому человек станет счастливым навсегда. Здесь есть свобода выбора. Луи Армстронг выбрал трубу, Билл Клинтон – саксофон. А наши *горячие сердца и чистые руки*, отстегнув на время за ненадобностью *холодную голову*, выбрали российский народ как новоявленную и отъявленную контрреволюционную силу, чтобы затем провести грандиозную селекционную работу. Так появились, как известно, правильные и неправильные евреи, чистые и нечистые русские, социально значимые и социально незначимые больные. А ведь были времена, когда любителей джаза, как и любителей пива, женщин, интеллигентских бородок, не пускали в комсомольский профсоюз, тем более – в партию светлого будущего. Потом стало понятно, что для достижения счастья не обязательно бить в барабан холодной войны и, *озираясь, яко тать в нощи*, строить Великую Стену. Можно использовать мозги, глаза, уши, сердце, бороду, а можно то, о чём сказал начистоту наш писатель-парадоксалист. Я полагаю, что обладание своими нежностями и обладание в известном месте и при известных обстоятельствах нежностями другого человека противоположного пола (по его согласию!) не должно быть стыдным. О бороде пока

помолчим. Ведь не стыдятся же люди своего рождения и отмечают этот день с размахом и весельем, но почему-то стыдятся своего зачатия, даже живя на пересечении Святозачатьевского проспекта и Тринадцатой улицы Красных Хворь. Будто у зачатия и рождения есть не только свой светлый день, но и своя темная хренотень, как бы затмевающая чудесный день. Хотя, с точки зрения генетики и молекулярной биологии, теневой и порочной стороны у генома с хромосомами нет, так как порочного зачатия нет вообще в природе при честном народе. Зачатье в народе есть, а порочности в народных хромосомах – нет! Ведь то, что происходит в тайне природных бананотехнологий, придумали в далёкой древности языческие боги. Кстати, на них лежит ответственность за озвучивание страсти генома посредством музыки и лирической поэзии. Её нередко называют сладострастием. Однако не следует путать страсть к сладкому, как разновидностью обжорства, со сладострастием воображения, как музыкой любви. Потом инициативу у язычников перехватил еврейский Бог, но это не значит, что русский Бог отдыхает. С такими дитятками не соскучишься. Их всегда тянет в тайну грехопадения. Для них первородный грех всегда стоит в повестке дня. Хотя еврейский Бог не говорит о первородном грехе столь откровенно, он, в отличие от русского Бога, не дразнит своих чад тайной бананотехнологий. Он не видит в них греха.

Если говорить о главном, то гениально-гениальную выдумку о непорочности евангелисты

ввели в своё время в оборот для того, чтобы отсесть иудеев от Христа, а себя от иудеев. Мол, мы, христиане, из другого теста и другого текста. Тут без контекста не обойтись. Поэтому, если разобраться, то у православных не должно быть никаких иллюзий по поводу братьев-католиков и иудеев-алкоголиков. Ведь если один Всевышний на всех, то *возьмёмся за руки, друзья*. Но, как известно, Великий Рим упустил исторический шанс, не подружившись с иудеями. Он пал, подружившись с христолюбивцами. И расслабился, сгинув под ударами неправильных язычников. А иудеи оказались наедине со своей Торой, одинокие на всём свете, вплоть до Биробиджана. Современная наука, основываясь на безжалостных фактах, с улыбкой утверждает, что всякое зачатие – непорочное, а не только у Девы Непорочной. Вот почему те, кто боролся с джазом, боролись также с генетикой. Скажи, кто твой враг, и я тебе скажу, как выжить на одну зарплату. Ведь в предвкушении великих перемен геном рвётся на свободу, будоража кровь, и благодаря зачатию обретает почти вечную жизнь. Вот вам классическое описание того, как классический геном самой классической Татьяны, которая могла стать, но не стала Онегиной, рвался на свободу:

*Душа ждала... кого-нибудь.
Теснило ей младую грудь
Давно сердечное томленье.
Алкало пищи роковой,
Сгорая негой и тоской,
Давно её воображенье.*

С магией воображения, как и с магией генома, шутки плохи во все эпохи. Да, геном амбициозен, при всей своей мелкости, невидимости и внутренней сдержанности поведения он очень важная птица. Эта штучка с апломбом. Он как серый кардинал в подковёрной борьбе за любовь народа. Я думаю, что в живой природе он самый главный. И он свои амбиции, вырвавшись из космической темноты, не скрывает, он стремится к преосуществлению. В конечном счёте, он стремится на белый свет. Днём и ночью, в любое время суток, при любой погоде и при любой власти. Для него нет плохой погоды, хотя из-за качества власти у него могут быть проблемы с выживанием при любой погоде. Если геномы стремятся друг к другу, то им неинтересен возраст и социальный респект их носителей. Дело не в возрасте и равенстве, а в стремлении к вечной жизни. Если геномы жаждут, то никакая картина Пукирева их не остановит, на крутых поворотах. Быть может, в геноме сосредоточена энергия звезд мироздания. Вот почему, как заметил еще Аристотель, аристократичен и величав лев, обхаживающий свою подругу. Вот почему все влюблённые излучают блеск и потрескивают от любовного электричества. Они все красивые, особенно в лунном свете. Геномы во мраке мироздания как трепещущие светлячки. Они приходят к нам в детстве из сказки про Босножку и семь геномов, чтобы остаться навсегда. Вот почему требуется вспомнить известную теорию о том, что у всех живых существ есть психика

влечения, благодаря которой самые ошеломляющие из способностей человека подобны павлиньему хвосту и служат для привлечения, извлечения и увлечения. Что касается птиц, им было бы проще с более коротким и неприметным хвостом. И не высовывать-ся. Знаете: всяк сверчок... Ан нет! Геном заставляет их идти на смертельный риск. Геном – колоссальный диктатор. Однако это диктат жизни и магии воображения. В пределе – диктатура любви, навязанная нам железным законом инстинкта. Вот почему с пониманием отнёсся мой приятель, доктор травматологии, когда невзначай увидел на ночном дежурстве факт жизни хромосом. Два очаровательных молодых существа, одно – с поломанными руками, другое – с поломанными ногами, к счастью уже в стадии выздоровления, слились в экстазе в укромном местечке посредством лечебной гимнастики. Геному ничто, никто, нигде и никогда не может помешать, если он в форме. Если он не ленивый, он не может быть нескромным. Ведь то, что делали эти чудесные молодые люди, способствует выздоровлению. А что ещё нужно врачу-гуманисту? Клятва Гиппократа и врождённое благородство обязывают. Ведь не секрет, что в европейском мире в наши расхлябанные дни (а мы, биробиджанцы, всё-таки – европейцы) стала распространяться опаснейшая болезнь – так называемое сексуальное лентяйство. Эта страшная болезнь поражает прежде всего интеллигенцию, которая не только не хочет детей, но почти не играет ни в какие игры. Только – в компьютерные. Сын

моего приятеля не хочет жениться – всё время сидит в эротическом виртуале – и доволен. А внук моего приятеля не хочет живую собаку, ему подавай собаку-робота. Тихий ужас навевает информационный век. Геном не может без свободы и красоты. Геном – это жизнь. А жизнь есть Бог, и Бог есть жизнь. Бога и Жизнь не запретишь, их можно только убить. Как генофонд. Как природу. Кстати, поэтому не может быть и незаконно рождаемых детей. С точки зрения генетики, все дети – законнорожденные. Поэтому пусть бастард Леонардо да Винчи будет вечным укором всем законопослушным и законнорожденным обскурантам в свете данных современной науки. Геном не проведёшь, а нежности не обманешь.

ПРЕДПОСЛЕДНИЕ СУДОРОГИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В БИРОБИДЖАНЕ

Волну горечи и неподдельного отчаяния у моих читателей вызвала холодная война на биробиджанской земле. Как змея подколотая, ужалила многих та роль, которую сыграл в этой войне мой родной Биробиджан. Да, в те суровые годы холодная война расколола не только Германию, но и биробиджанские сердца.

И вот, когда эта война почти отгрохотала, задумал однажды известный в западном мире японец-журналист по заданию Всемирного еврейского конгресса посетить славный наш Биробиджан. Приехал он с прелестной женой, которую взял с собой для теплоты гостиничной постельки и заметания следов

своей романтической деятельности. Был он гостем культурных учреждений, в том числе и редакции областной газеты. Заместитель редактора, по заданию компетентных людей, пригласил милую чету к себе домой. Культурненько всё было, притягательно, но один казус всё испортил. Во время приятнейшего застолья японской жене вдруг что-то понадобилось в её курточке, висящей в прихожке и заслонённой как бы кактусом. Подошла она к этому фикусу, там много чего ещё всякого висело, а в этой куче в некотором неудобстве сидел неопределённый спортивный парень с бесстрашным выражением лица и, играя желваками, что-то записывал на маленький японский – таки чудо последней трети прошлого века – магнитофон. Японская жена взвизгнула, забежала в комнату, где все сидели улыбочивые, и что-то быстро-быстро стала лепетать своему японскому мужу. Вот уж недаром говорится, у всякой милашки свои кондрашки, а у всякого шаха свои шашки. Муж моментально выскочил в прихожку с самурайским стаканчиком с саке, но того парня уж след простыл, а японская дивчина, схватив мужа за рукав, потащила его вон. Вот так обострилась, только начавшись, дружба народов и народная дипломатия, по поводу имиджа принимающей стороны. Но эта история имела забавное продолжение. Японское правительство из запасов ихней охраны в тревожные дни перестройки выделило областной охране в качестве гуманитарной помощи сто маленьких магнитофонов и две цистерны рапсового масла. Ведь неда-

ром говорится, что Восток – дело тёмное, а Дальний Восток несёт нечто светлое.

Однако, если быть честным, холодная война полыхала не только в Биробиджане. В годы так называемого застоя-отстоя попросила меня коллега найти след публикации её статейки в малотиражном сборнике, изданном Высшей комсомольской школой при самом главном их органе. И вот, будучи в столице, поехал я в некий отдалённый район, где с трудом нашел эту школу, хотя на всех перекрестках весело пели: *шагай вперед, комсомольское племя!* А я вот думаю, что если – племя, то какое племя без вождя и главного колдуна. Быть может, даже целая корпорация чудодеев нужна во главе с самым важным и неистовым чаровником. На то оно и племя. Ведь есть племена, обходящиеся без веры в комсомол, но нет племён, обходящихся без веры в колдунов. Поэтому и нападала стража вождя (уйдя на вечный покой, стражу он на всякий случай оставил) на театр *Современник* и хотела его переименовать в *Со-племенник*. Чтобы всё было по-нашенски, чтобы не затесались иноплеменники в племенное искусство, в племенную религию, племенную науку, чтобы пламя борьбы за идеалы племени выжгло всех тлей не нашего племени, на которое был и напущен чёртогон. Поэтому на смену пламенным революционерам пришли племенные революционеры. Но хватит отступлений. Дело в том, что меня не пустили в библиотеку этой школы из-за того, что бушевала холодная война. Дело в том, что племенные революционеры

из родной Африки готовили очередную племенную революцию и соблюдали конспирацию, а масок от гриппа в то время еще не изобрели, хотя противогазов было там много. Вот я и думаю, если бы они были в противогазах, то я их не смог разоблачить и мог бы зайти в эту школу как свой человек.

Или вот ещё случай тех времен. Поехала однажды моя биробиджанская приятельница, доцент-историк, в Москву, поработать в архивах. Задумала эта *архивна девушка* стряхнуть пыль со священных свитков знаменитой партийной конференции тридцатых годов прошлого века, на которой Троцкого, как основоположника революции и контрреволюции, крушили-крошили и решали вопрос о финансировании всех дел с ледорубом. Там же обсуждали и приискивали исполнителя акции века в спецотделе Коминтерна как кандидатуру на звание *герсовсоюза*, с присуждением ордена имени того, кто был лучшим дружбаном Льва Давидовича. Моя приятельница хотела выяснить, почему бывшему пламенному вождю предназначался ледоруб по черепу, а убийце с почётом орден Ленина на грудь. Пришла она в особый флигель. Оформила особые документы. Выдали ей на один час микрофильм со страницами спецархива. Завели в задрапированную комнатёнку без окон и дверей, где на шахматном столике стоял детский фильмоскоп. Предупредили, что записывать ничего нельзя, фотографировать нельзя, выходить из помещения нельзя, наговаривать на магнитофон нельзя. Можно только крутить рычажок с ноготок. Такие вот

строгие правила. Запугивали нежную птичку, но – деваться некуда. Сидит она в этой затемнённой позолоченной клетке, еле дышит со страху. Добавило еще забавной жути то, что в этой особой комнатке к ней был приставлен особый мужик. Вылитый альфа-дог, здоровенный и румяный, от которого веяло мощнейшим перегаром, замешанным на вчерашнем капустно-луковом салате, которым, казалось, был пропитан даже его шикарный галстук. Мужик изредка, теряя бдительность, икал, а помочь ему было трудно, ведь он был на особой работе: *наша служба и опасна, и трудна*. Всё было хорошо в советской стороне, но моя ошарашенная приятельница не могла сосредоточиться на преданиях старины и всё опасалась, как бы этот парень, распалённый её нежным затылком и беззащитностью, не икнул прямо на неё. Обошлось. Ведь тогда уже начинался социализм с человеческим лицом, на котором нередко проступали следы вчерашнего салата и искренность. Воистину у всякой дивчины свои кручины, но наука и труд всё перетрут. Так учили её в пионерские годы: мол, наука, как и классовая борьба, требует жертв. А к слову сказать, эта очаровательная дама всё отдала истории партии и изучению тонкостей той знаменитой конференции, где генеральный ус получил преференции. Да, она принесла себя в жертву партийной истории, отдала ей свою молодость и красоту. Когда-то в аспирантские времена её научный руководитель, упитанный жизнелюбец, не без артистизма предлагал ей свои жеребьячи нежности, но

она с негодованием отвергла его томный взгляд, генетический заряд и боевой снаряд. Мол, что скажет история партии по поводу её моральной истории? Кредитных историй тогда не было. На эстетический облик партия не покушалась, хотя облик нашей страдалицы, сейчас об этом можно безапелляционно заявить, украшал партию. Но история оказалась выше демографии. Она устояла как незыблемый гранит. После тщательного изучения архивных бумаг знаменитой конференции она вынесла своё очарование из партии, так как её пронзила страшная мысль: а что было бы, если бы главный вождь дожил до той конференции? Он тоже получил бы ледорубом по сократовскому черепу? Да, революции, поговаривал тот весёлый руководитель-бычок, не делаются в белых перчатках и ароматизированных импортных презервативах. Революцию нужно защищать, и ряды наши нужно дружно зачищать. Ну что тут скажешь, ведь у всякой птички – свои кулички и у каждого гуся – своя бабуса.

О ВЕРНОСТИ ПРИНЦИПАМ

Дело было далеко от Москвы и Биробиджана, в день похорон Андрея Дмитриевича Сахарова, в новосибирском Академгородке, где оказался я на научной конференции. Поселились мы в *Золотой долине* – в либерально-демократическом отеле, в номере на четырёх постояльцев. Познакомились, разговорились. Вытащил я из портфельчика бутылочку *Хабаровской розовой* и предложил помянуть

светлого человека. Два товарища-доцента откликнулись в момент, а один – тоже доцент, партийный историк из Горьковской Высшей партшколы – наотрез отказался. Он с глубоким чувством сказал, что не может уважительно отнестись к этому товарищу, который ему не товарищ. Мол, этому экстравагантному старику в замутнённую нашими врагами голову пришли опасные для трудовой молодёжи мысли, мол, лучше бы он новой бомбой занимался. А ведь получил от государства все привилегии: хорошую квартиру в недурственном районе, много премий, а простые работяги живут ещё в бараках, а расценки на заводе им всё режут и режут. Мол, поэтому они пьют горькую, но дешёвую. Потому после получки вытрезвители полны-полнёхоньки. Койко-место на одного хрен получишь. Ещё он сказал, что молодые парни очень агрессивны по пьяни, так как агрессия эта из-за душевного раздрая, который внёс в нашу безмятежную действительность горе-академик. Но отсутствие самоуважения у молодёжи и уважения со стороны власти есть пережиток проклятого прошлого, а не нажиток прекрасного будущего. Вот почему носится вечный вопрос над нашими просторами: ты меня уважаешь? Интеллигенция такой вопрос не задаёт. Она знает наперёд, что – бессмысленно спрашивать – её и без вопроса никто не уважает. А трудовому народу на политинформации сказали, что он – гегемон и спереди общественного прогресса, ветер которого дует в наши паруса. Но такие, как этот академик-отщепенец, порвали парус. Тут

доцент-историк даже всхлипнул как-то по-человечески. А нобелевку этому чудику-юдику подбросили, чтобы еще больше разжечь холодную войну. Эта премия всегда была предметом торговли, вроде керосина из торгсина, так сказать магазинов внутренней секретности, который выплескивали по заданию из-за океана на наши святыни, чтобы полыхали они синим пламенем. Можно подумать, что у нас нет настоящих учёных с положительными характеристиками, без налёта этой опасной подкладки, которые в доску свои и остро нуждаются в премии. Вот поэтому, сказал доцент-историк, мне моя школа, закалившая мою совесть, не позволяет помянуть этого простодушного якобы героя, которого следует лишить звёзд трижды *гертруда*, хотя бы за непристойную симпатию к Солженицыну, к международному глобализму и всяким диссидентам-конвергентам. Короче, я не могу поступиться принципами и мнение нашего класса непререкаемо. А если мы будем вести правильную работу, то класс непременно перейдёт на квас. Да сияет в веках наша школа, от имени которой я имею честь читать лекции в высоких кругах по вопросам идейной работы в годы первых пятилеток вплоть до борьбы с безродными, нам антиподными. Подводя итоги, могу сделать заявление, что нашей школе стыдно за академика, между нами говоря, засекреченного Цукермана, следы предков которого теряются во мгле нашей исторической и геополитической борьбы.

Ну что тут заявлять, мы с пониманием отнеслись к чистосердечному признанию парня. Хотя от его речёвки, которую он браво прокукарекал, *Хабаровская розовая* не потеряла вкус и оказалась не самой худшей водкой по сибирским меркам. Однако в этот раз – не в меру горькой.

КАК ИВАНУ ДЕНИСОВИЧУ ПОМЕНЯЛИ ПРОФЕССИЮ...

Иван Денисович работал в столярном цехе Биробиджанской пимокатной фабрики, где я начинал трудовой стаж учеником слесаря. Это был худющий старик, урождённый москвич, малого роста, с льяными волосами, отсидевший немало лет на казённых харчах. Под завязочку – в очень большом лагере – под амурским Комсомольском. Он рассказывал, что колючка была по периметру около сорока километров. Сам был он из гуманитарных студентов, когда взяли его на казенную снесь за сочувствие троцкистам-уклонистам, за интимный антибольшевизм, за любовь к полузапретному Есенину, за непочтительное прочтение Гегеля. Короче, как гласил приговор: *за участие в троцкистско-бухаринской банде шпионов и диверсантов*. Следовательно орал: я тебя заставлю любить Гегеля, ты у нас примиришься с действительностью, в которой всё разумно, но наша партия с тобой никогда не примирится. Ты есть недействительность, ты отработанный шлак нашего паровоза, тебя – под откос, а нам вперёд, к величию идеи, которую Гегель из-за буржуазной запущенно-

сти своей эпохи поставил на курчавую голову Маркса, а гений революции вставил её в пролетарские прохоря наших дней. *Хотя и был он курчавенький.*

Одним словом, случилась в его судьбе бестолковица, искорёжившая жизнь бесповоротно. В лагере уголовники пытались вышибить ему гуманитарные мозги посредством сотрясения мыслей. Последнее им удалось. Однако не получилось у них с высокими идеями. Остался он идеалистом и романтиком, потому что верил в наличие у человека светлой души даже в кромешной тьме опричнины. Из-за этой веры он на какое-то время и попал в цепкое поле притяжения коммунизма. Однако, увидев его изнутри, он вырвался из когтей дьявола. Морок исчез.

В лагере ему повезло с товарищами-сидельцами: умнейшими головами по разным наукам. Он впитывал знания и как бы прошёл несколько курсов университета по классической программе.

Ивану Денисовичу крупно повезло в жизни ещё раз, когда он, будучи расконвоированным, работал на Бираканской бумажной фабрике рабочим по разгрузке макулатуры. Дело в том, что на эту фабрику со всего Дальнего Востока прибывали вагоны бумажного утиля, нередко с книгами и журналами, так сказать, контрреволюционного содержания. Благодаря советам и подсказкам медицинского доктора, который пасса на этом книжном развале, Иван Денисович собрал редчайшую библиотеку, которой мог бы гордиться гуманитарный факультет мирового уровня. Тем более тот, с которого он был изгнан.

Вот уж начитался он от души мудрёных книг, свезённых со всего края. Говорил, что были книги-узники и с золотыми переплётами, и с кожаными. Были многие с экслибрисами известных фамилий, которые власть люто ненавидела. Многие фамилии она сжила со света, многих выслала, ну а книги повторили судьбу бывших владельцев. Эти книги в той системе чрезвычайного права стали *врагами народа*. В цехе бумаговарения их превращали в крошево, варево, месиво, которое шло на изготовление серой и грубой бумаги, которую пользовала продуктовая торговля на развес.

Ещё несомненным жизненным успехом он считал то, что в неволе стал столяром-плотником, к чему у него была недюжинная сноровка. Вот и сейчас он мастерил для катанья валенок нехитрую деревянную снасть: колодки, распорки. Работал он с напарником, Николаем, из коренных, из тех, кто родился на станции Тихонькая, еще до появления Биробиджана, – в доеврейскую эпоху, еще до завоевания революционными евреями этой станции и станции *Волочаевские дни*. К власти и к евреям он относился настороженно.

К власти – потому что пережил травму в ранние школьные годы, когда дети, воодушевлённые раскрывшейся правдой о том, что революция породила крокодила, выкалывали глаза маршалам-*врагам народа* в книжных картинках и заливали их синими чернилами. Титульную областную нацию он как бы недопонимал из-за тёмной истории, которая про-

изошла в еврейском автономном округе Римской империи времён прокуратора Пилата.

Будучи уже крепким хозяйственным малым, пошёл Николай с мужиками на заготовку кедровых шишек. Однако случилось непредвиденное: упал бедолага с дерева и поломался не на шутку. Но подлечился и возвратился в строй с приобретением новых способностей. Закавыка в том, что после нештатного полёта речь у него стала рифмованной, заговорил он стихами, а иногда даже – частушками. Поэтому со стороны смотрелся балагуром, но только со стороны. На самом деле был Николай человеком серьёзным, в меру грамотным искателем народной правды. При этом, сам того не желая, наводил на собеседника непонятный гипноз, из-за чего тот тоже начинал говорить в рифму и витиеватым говором.

Я помню, как Иван Денисович в какую-то закопчённую кастрюльку наливал ароматный столярный лак, затем всыпал мощную жменю крупной соли и водил в этой пахучей жиже деревяшкой. На эту палочку-выручалочку наматывались липкие кристаллы. Все это периодически со сдержанной брезгливостью выбрасывалось в мусорный ларь. После многократных кружений палочки содержимое кастрюльки было готово к употреблению, превратившись в демократический столярно-плотницкий напиток, приспособленный для лёгкого головокружения и развязывания языка. Делалось это, разумеется, втихаря, без лишних глаз и лишних ртов. Занимались этим не часто, но с ритуальным пиететом.

Бывало, я заставлял их за священнодействием и сопутствующими разговорами, часть которых запала мне в шестнадцатилетнюю душу. Навсегда. Не только запала, но и не пропала. Так как в дальнейшем это поспособствовало развитию мыслей о всемирной историософии, о русской судьбе в еврейском городе, о женской доле, о хрустнувших костях *великого перелома* народной судьбы.

– Да, русский человек в зоне бесшабашный, а еврей не таков, – невзначай сказал столярный дед-отсиделец.

– А в чём дело-то? – спросил дед-пихто. – Не рой другому яму, не оберёшься сраму.

– Ну, вестимо, не чувствует себя как дома, где всюду мягкая солома. На чужбине не след ерепениться, но след держать ухо остро и не вгребаться в местные дела и суету.

– Вот почему все прут они и вверх и взад, стремятся выбиться в бугры, смеша притом глобальный град, а энто – не хухры-мухры.

– Не говори, что Глаша мыла раму, а укатила в яму. Слушала бы маму, не попала в драму. Отщипни чуть плоти от хорошей тети.

– Ты эту девушку не трожь, от тех делов бросает в дрожь. Стране какой прибыток от бедствий тех и пыток.

– Они хотят дружить с властью, с этой чёртовой напастью. Они хотят дружить с вождём, а русаку всё нипочём.

– Они её, как тузик грелку, – не суйся в эту пере-стрелку.

– Всё началось с Бонапарта, где разыгралась эта карта. Мол, и поляки, и евреи хотят свободы поскорее, а царь наш, склонный к романтизму, должен был вставить немцу клизму. И подружиться с корсиканцем, а не с пруссаком, голодранцем.

– Ну, ты, дружок, перебрал и все анналы переврал. Где ты, где ты, зайчик мой, социально значимый больной. Дело было в замке, пешки вышли в дамки. Мы за ценой не постоим, Европе всадим Третий Рим. Ведь пифагоровы штаны на все стороны равны, но лишь бы не было войны.

– Для зайца то ничто не значит, коль был в совдепии он зачат. Второе крепостное право удалось на славу. И прогресса паровоз запердолил в наш колхоз.

– Колхоз – дело добровольное: хочешь – вступай, не хочешь – расстреляем.

– А может быть, еврей, чина увидевши в порядке, не прочь наладить с ним дела на урожайной энтой грядке, чтоб вырваться из рвани и житейской дряни? Не от поганой якобы души, цена которой медные гроши.

– Ты о нациях забудь, коль к идеалам держим путь. Не может быть на всех рагу, не подступайся к пирогу. Идей то было кутерьма, но замаячила тюрьма.

– Вотще у них, увы, кагал, как фюрер в Мюнхене сказал. И всю Европу повязал. Её на вертел посадил, тот зубастый крокодил. А всей политики ключи: ешь, что дали, и молчи.

– Всё быть может, весь мир гадает, Лександр Исаич

их осуждает. Должна, мол, быть и справедливость, а не только лишь блудливость. Ведь у каждого пирата жизнь немножечко горбата.

– А быть могёт, он их ревнует? И в ус не дует. Ведь у всякой кедровины свои хреновины. Вокруг каждого пера топтуны и опера. Гнать их, что ли, со двора?

– Как хороши и свежи были грёзы, пока не грянули морозы.

– Среди цветов прекрасных роз горчайший хрен на клумбе взрос. Но наши мудрые отцы уже прятали концы. Тепереча и шнобеля не отличишь от нобеля. Прогрессу это хоть бы хны, но лишь бы не было войны...

– Мол, у него-то похитрее, контракт-то с жизнью, у еврея. У русака нет хитро*опости. Он не чувствует попой пропасти. Еврей буром не пойдёт и катаклизму переждёт.

– А может, русаку то приобрести и не забыть при этом честь, быть не глупее-то еврея – дырявая ливрея? А хитро*опость – это спорт и прогнозы на рекорд. Она, скажу тебе, не грех, а заявка на успех.

– Ну, ты, браток, уже загнул, за уши довод притянул. Неужто это свойство не признак беспокойства?

– Людям оно присуще ещё от райских кущей. Взгляни на англичан, ирландских там сельчан. Так сказал и Черчилль-сэр, невзлюбивший эсэсэр.

– Пусть стрижёт он свой газон, а мы в Берлине – гарнизон. Не уподобляйся нытику, веди свою политику. Отбрось загиб, уйми уклон – ещё поставим гарнизон. Горит священная звезда, и хорошеют го-

рода, гуляют тучные стада, густеет рожь, гордись и пой, и Глашеньку не трожь. Теплом повеет от Стены, но лишь бы не было войны... Голубь клюнул в свято место, расцвела наша невеста.

– Англосаксонский забияка немало что наговорил и занавес чугунный затворил. И в Фултоне и в Цюрихе еще при ихнем Рюрихе.

– Но ведь холодная война и Черчилль явный сатана. Не любит пламенных идей. На нас науськал бибиси, тоскливо стало на Руси от их недружеских затей. Что ждать ещё от сатаны, но лишь бы не было войны...

– Эт, как сказать, япона рать. Ведь Глаша мыла раму, не слушалася маму. И попала в яму.

– Не тронь ты эту даму, не обёрешься сраму. Хоть топором по древу, не трогай эту деву.

– Ты что её так защищаешь, на свете много чудных Глаш. На том и этом берегу, не отдадим мы их врагу. Сэр ведь зубы точит и борьбы за мир не хочет. А съезд открыл дорогу, угомонись, ей-богу.

– Зарубили вот конкур, теперь во всех делах ажур. На выборах, в хозяйстве – нет. Тебе от Гоголя привет. Чего её бояться? Ведь дураки плодятся.

– От них спасут лишь Щедрины, но лишь бы не было войны...

– Конкур несёт зловредный кипиш, с ним уж лишнюю не выпьешь, а без него всё тихо, гладко и на душе не очень гадко.

– А как же с тем процентом быть, если гуманистом слыть?

– О чём ты? О перекрёстных браках и либеральных враках?

– Чтоб каждой нации была отлаженная процентовка, едри её, в руках винтовка, в коммуне будет остановка. Чтоб во врачах-грачах, продавцах-овцах, генералах-амиралах, учёных, за бугром печённых.

– Ну, ты загнул, как будто в тару заглянул.

– А я на таре и сижу, что вертится, я у Бухарина служу, да Сталин сердится.

– Виртуоз ты, берлиоз, зря вступил не в наш колхоз. Всё с революций тянется и хрен когда расстанется. Как будто город захватив, нарвалась армия на тиф. А были ведь не без ума, но проглядели, что чума. Теперь всё это нужно скрыть, отсель у них такая прыть. И нет печальней повести, чем о большевистской совести.

– Где совесть иногда нам снилась, там вырос горький хрен на силос.

– Но ведь хотели для народа, поболее было б кислорода. На то разрушили темницу, чтоб запустить в простор жар-птицу. Летит по небу колесница, и в мавзолее сладко спится. Плывёт по морю пароход, а в нём не нужный нам народ. Как бы его излишки, я почерпнул из книжки.

– Один король во Франции забыл надеть штаны, а без штанов во Франции все мужики равны, но лишь бы не было войны...

– То не один был сумасброд, а весь обманутый народ, чтоб был на свете вечный рай, до срока съели каравай и упразднили тот раздрай.

– Но взбеленился *агитпрон* на несознательный народ. А где сознательный, со страху, то на груди сей рвёт рубаху.

– Да, извели они народ, один остался недород. И в запустении огород. Всё скрылося далёко в *сталинском барокко*. А теперь в тумане ходят басурмане. Поздно пить томатный сок, если зайчик прыг да скок.

– Ты зайца больно не стриги, у нас и так везде враги. Досталась нам таки судьба – за мир великая борьба. Вокруг клыки вражины точат и в светлу явь пока не хочут. Лишь Мао с бомбою в груди один маячит впереди. А наш писательский союз как бы на шее мертвый груз. Ведь после Хруща видишь сам, как скучают по Усам. И с той и с этой стороны, но лишь бы не было войны...

– Да, запарили же кашу, жалко-жалко нашу Глашу, жалко комсомолку, сгинула без толку.

– Как справедливость обрести и невинность соблюсти, ведь у каждого народа – своя доля огорода. Мол, возделывай наш сад, будешь – друг, товарищ, брат. Если вдруг хочешь свой, то ответишь головой. Ну а Глаша – свет в окошке, поскользнулись её ножки.

– То народная мечта, темнота ты, темнота. Нас спасёт лишь кукуруза, в ней величие союза и могущество страны. Лишь бы не было войны...

– Слушались бы папу, не сосали б лапу.

– Если ты про Ватикан, подавай тогда стакан...

– Если Папа вступит в НАТО, то понизится зар-

плата. Если Тито с ним вась-вась, нас спасёт родная власть. Африка – надёжный друг, расширяется наш круг. Поведёт народ вперед к беловодью хоровод. И у Кубы – козыря, нам не даст пропасть зазря. Шлёт тростник нам с целины, лишь бы не было войны...

– Поздно пить столярный грог, если зайчик прыг да скок. Прыгнул в эту кружку, жаль, увы, подружку. Столько лет промчалось лихо, а на сердце всё не тихо. В нём застряло жало, радости в нём мало. Глаша-то пропала... Глаша-то пропала... Глаша-то пропала...

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА, ИЛИ У ВСЯКОГО ВЕКА ЕСТЬ СВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ...

Разгон облаков в столичном небе во время проезда крупняков, так сказать суверенной аристократии, по правительственной трассе – это уже перебор. Я понимаю, что в день смеха такую аттракцию для потехи можно внедрить в сознание масс. Это проявление чувства юмора, чувства игры типа кулинарной приверженности. Ведь кулинарное искусство, как игра, возникает на основе пресыщенности, а не голода. Любовь и голод правят миром – сказали сведущие люди, а наш, самый знаменитый в Отечестве, признался без обиняков: *я направляюсь юной красоте бесстыдным бешенством желаний*. То же, видимо, происходит и с кулинарной игрой, которая возникает благодаря энергии генома. Хотя светила-учёные утверждают, что благодаря страсти возникает искусство и магия кулинарного воображения. Это стало общим местом. Как сейчас помню обрывок статьи

из научного журнала, припиленный к школьному зелёному забору и прочитанный в раннем пионерском возрасте, где рассказывалось об эротических и кулинарных корнях современного танца. Что такое танец в таком случае? Это художественное выражение воли к власти. К любой власти! А власть исторически начинается с сексуальной и пищевой. Значит, всё дело – в аппетите. Значит, в основе строения всего общества – сласть как власть. И власть как сласть. Но кто может ответить: почему танцуют мушки-дрозофилы и мужики-библиофилы? Ответ прост: чтобы понравиться юной красоте их племени. Потому что на жизненной пирушке у всякой мушки свои побрякушки. А как тогда быть с тем, что сказал Пушкин? Да очень просто. Следует легализовать бешенство желаний. Но как тогда быть с бесстыдством? Здесь – молчок. Вот я и пытаюсь замолчать эту проблему, но меня вдохновил один писатель-праведник. Он пишет, что поведение Онегина было *гнусным*, а Тристан и Изольда поступили правильно, положив в постель между собой острый меч, чтобы *любить друг друга, а не заниматься любовью*. А почему стыдно ею заниматься? Опять – молчок. Неужто у Тристана в этот момент кончился тестостерон? Однако всё-таки хорошо, что положили меч, а не какого-нибудь предводителя, ведь в те тёмные времена ещё не выпускались многоспальные кровати с весёленьким лейблом *ленинисталинснами*. Что и говорить, у всякого века свое средневековье, а во всякой кроватке – свои акробатки.

Вот я включил радио и слышу, как Мишель Монтень голосом диктора Левитана читает свои стихи, ввиду перевода поданные суровой прозой: *В чём повинен перед людьми половой акт – столь существенный, столь насущный и столь оправданный, – что все как один не решаются говорить о нём без краски стыда на лице и не позволяют себе затрагивать эту тему в серьёзной и благопристойной беседе? Мы не боимся произносить: убить, ограбить, предать, – но это запретное слово застревает у нас на зубах.* Ладно, успокаиваю сам себя, пусть застревает слово, но дело-то, дело-то пусть не застревает и имеет важность для нашей популяции.

Вот нейдёт у меня из головы один показательный факт, прогремевший на всю биробиджанскую округу. Моя симпатичная знакомая, полностью созревшая, если не сказать больше, не могла выйти замуж в первый раз. Ну никак. И вот однажды, направившись отдохнуть в Ялту, она оказалась пролётом в белокаменной, где, выстояв в универмаге полусуточную очередь, приобрела восхитительные югославские сапожки вызывающего цвета. Вы, конечно, уже догадались, ближайшей осенью она удачно прошла кастинг на ярмарке невест.

Я думаю, что если бы всем нашим красавицам фертильного возраста доставались такого цвета сапожки, то сразу повысилась деторождаемость и романтическая полётность загадочной женской души. А демографическая революция, о которой так долго не говорили наши вожди, свершилась! Благополу-

чие женщин нашей страны стало бы явью, а не навью кремлёвских мечтателей. Более того, если бы правительство выдавало всем бывшим комсомолкам талоны на такие, кое-что вызывающие сапожки, то загадка женского счастья победоносно вышла бы на свет из президентского портфеля и в порядке госзаказа успешно разрешилась. Цок-цок. Скок-скок. Ведь ещё на древних скрижалях было написано, что у всякой дивчиночки свои ботиночки. Цок-цок. Скок-скок. Видимо, красный цвет кое-что вызывает, если он такой вызывающий.

Вот в свете таких фактов и в цвете таких сапожек можно ли молчать об эстетическом потреблении мира прекрасного? Можно ли критиковать погрязших в блуде потребительства парижан, ньюйоркчан и австралийских сельчан. А именно за оду потреблению меня критикует чудесный парень Исидор из Архары, знаменитой станции, что на Транссибе, раньше живший в молдавских Бельцах на улице имени кого-то из кагановичей. Он пишет мне, что называть вещи следует своими именами, блин. Консюмеризм, он пишет, это потребля*ство, блин. Что нужно изгнать торгующих из торгового дома, переоборудовав его в храм, мечеть, синагогу, блин. Чтобы три дороги духовности пересеклись в одной точке, блин. Вот и думаю я после его письма, что является необходимым, а что есть перебор и излишества. Ведь древние говорили и говорят до сих пор, что маникюр – это необходимость, а педикюр – приятная неожиданность. Тут нечего добавить.

Милый Исидор Архарский, бывший строитель Байкало-Амурской магистрали! Я тебя помню по заочному отделению Биробиджанского культпросветучилища, где ты учился сначала на кулинарном отделении, а потом перешёл на театральное. Зачем, родной, к неописуемой красоте наших мест, так туманно играть словами. Ведь у каждой крошки свои дорожки, я уже молчу про сапожки. Почему, блин, раздрай в твоей душе из-за философских понятий? *Иметь* иль *быть*?! Ишь, как загнул. Зачем столько крика на нашем восточном базаре?! Это что, левый загиб или правый уклон?! Примиренчество снизу или давление сверху!? Ты что, в детстве начитался аскета Маркса об особом пути скандинавов к социализму, блин? А к старости ударился в философические размышлизмы о русско-еврейской духовности, которую ценил благороднейший Ницше, блин. Этот настоящий аристократ, на нашей идейной пилораме. Ты настаиваешь, что важно не *иметь*, а *быть*. Мол, русский человек хочет быть, а вот еврейский человек – хочет слыть, в частности, хорошим человеком. И иметь, иметь, иметь: конституцию, осетрину с хреном, музыкальную шкатулку и изюм.

Кстати, про изюм. В далёком биробиджанском леспромхозе, с целью повышения духовности, стали добавлять в хлеб изюм, чтобы его удорожить и пресечь кормление свиней хлебом, чем занимались на досуге славные труженики лесных делян и полян. Поведал мне этот факт один задумчивый парторг передового леспромхоза, сокрушённый

несознательностью лесорубов, а также – полной аполитичностью и деградацией духовности наших братьев по геному, хотя процент соответствия наших с ними хромосом приближается к сотне. Действительно, со стороны власти на весь выводок хрюшек комбикормов не хватало, поэтому она пошла на столь рискованный экспромт, но со стороны народа была какая-никакая борьба. Дело в том, что после изюма, вкраплённого в хлеб, лесорубы наотрез отказались от вкуснейшего борща, привезённого в канистрах на деляну-полянну. Выразили, таким образом, протест против инноваций. Отказались бунтовщики от сладкой жизни. А ведь это в нашем обществе было не принято, чтобы не только люди, от дефицита идейного воспитания, но и домашняя скотина, от дефицита кормёжки, бунтовали. Тем более верхи знали, что кому кушать, читать и о чём молчать. Сейчас наука достигла таких апофегеев, что может избавлять человека не только от алкогольной, табачной, сексуальной, но и от пищевой зависимости. Кстати, если дело пойдёт в том же направлении, то можно будет освободить свиней и собак от человеческой зависимости. В те же давние времена всё было далеко не так. А если и было, то не так далеко. Поэтому перед властью всегда стоял большой вопрос: быть с народом или быть народом. Быть или не быть мягко перетекало в знаменитый гамлетовский вопрос: кормить или не кормить? Конечно, хорошо, что вышел на поверхность повестки дня изюм. А ведь в одном сибирском леспромхозе события имели более крутой разворот,

там с определенной целью стали завозить для трудового народа *французские булки* прямо из Гавра, чтобы отсечь от стола ту же чудную живность, далёкую от сознательности. А ведь говорили, что *за столом никто у нас не лишний*. Вот так, к ужасу *агитпропа*, сошлись интересы широких народных масс и широких животных масс. Теперь, вспоминая того грустного парторга, думаю о его чистом сердце, которое оказалось не в ладу с партийным приказом. Ведь он, как человек, был, а его, как парторга, имели.

Давай скажем честно, если народ хочет что-либо съесть, то пусть имеет, что есть. Ведь чего хочет любой Божий народ, того хочет Бог, тем более – женщины этого народа. Но, мой смышлёнш, зачем противопоставлять братские народы, которые все Божьи! Я всё-таки хочу иметь, блин, жареного цыплёнка на ужин, а не быть, блин, этим самым цыплёнком. Или, допустим, ты ужинаешь девушку, а потом поёшь ей шансон. Ты чудесно выглядишь, глядя на тебя, все причмокивают. Ты во фраке, с бабочкой, в спортивных штанах от Версачи, блин. Так что? Ты не хочешь иметь этот прикид, блин? После упоительного вечера в кошерной ресторации *Богдан Хмельницкий* тебе хочется *быть* девушкой или всё-таки хочется быть с девушкой? А если быть с ней, то сам понимаешь... Или не понимаешь? Ведь есть большая разница между *быть* и *иметь*, причём в некоторых случаях нет ничего плохого и в том, и в другом. Например, быть счастливым с красавицей или иметь *такое счастье*, как *эта красавица*. Более того, если сказать со всей

откровенностью, то вопрос можно заострить: *быть или не быть здоровым, иметь или не иметь* хорошую зарплату, *слыть или не слыть* любителем красоты. Ты как бы ударился в тяжбу крючкотворства по поводу бытия? Вот такой ширпотреб-с, батенька. Всё-таки ширнармассы жажду заливают не только квасом, они, губа – не дура, тоже разбираются в том, когда можно быть и где кое-что иметь. Тем более что духовность, как ты пишешь, не пропьёшь, блин!

ПОЭТ В БИРОБИДЖАНЕ БОЛЬШЕ...

Поэт в Биробиджане больше, чем поэт, написал мне один симпатичный парень Митя из израильской Беэр-Шевы. Он додумался до того, что поэт – это ещё сторожевой пёс общественной нравственности. Что поэты еще в подцензурном Биробиджане создали подпольную секту под кодовым названием: *за секс без насилия, лентяйства и коррупции*. Он пишет, что поэты вообще существуют, чтобы присматривать за царями, национальными лидерами и женщинами. Они нужны как эксперты по женской красоте, по общему поведению известного пола. Даже если они женоненавистники, как Бодлер и Блок. Мой израильский друг пишет, что поэзия нужна, чтобы поэт витиеватыми словами мог заявить, что женщина – это сверхчеловек, а поэт – тоже человек с широчайшей палитрой многих чувств. Маяковский не шутя же сказал: *я ассенизатор, я водовоз*. Он заявил во весь голос, что он больше, чем поэт, но у него поэзия была основной работой. Он честно признался в том,

что Поэт мог быть депутатом верховсовета от секции гэпзу. Мог быть членом профсоюза от органов внутренней секретности. Мог в свободное от поэзии время немножко ассенизировать и водовозить. Он еще должен был быть гражданином-мужчиной, гражданином-начальником, а быть гражданином – таково было мнение спецконтингента – означало следовать линии политического горизонта и великому правилу соцреализма: когда жизнь нужно брать за жабры не в её бытовой свалке, а в её революционном развитии. Другое дело, возникает вопрос с дыханием у жизни, если ей передавили жабры. Поэтому главное в гражданине означало любить власть и чтить вождей. Однако в случае не очень ярко выраженной любви поэт мог оказаться не больше, а меньше, чем поэт. Действительно, чувствуете разницу: *поэт-гражданин и гражданин поэт*? Гражданин поэт – это немножко грустно, это значит, что уже – не товарищ.

О! Сколько нам поэтов чудных удавили в крепких объятьях народной любви благодаря комиссии партийно-хозяйственного контроля. Потому и удавили, что почуяли, что поэт хочет больше, а в этом случае его дешевле убить. Помню, в Биробиджане был большой шум по поводу одного поэта, который неправильно платил членские взносы с некоторых гонораров. Хотя, он мне сам рассказывал, что, общаясь с любимой женщиной, он собственно и платит эти драгоценные членские взносы очень даже правильно. От трепетного поэтического сердца. Геном

не проведёшь! Генком знает, кому, как и чем платить! Генком знает себе цену. Как бы там ни было, но парня вывели на политическую сцену, сделав ему гражданскую казнь от имени народа, но руками партхозпрофкомнадзора. Короче, его утопили в набежавшей волне народного гнева. Однако он выплыл за тридевять земель, аж на Камчатке, уже без партбилета...

Если честно, то весь вопрос заключается в том, что поэт в Биробиджане всегда нутужно и протяжно думал о том, что о нём думает власть и любит ли она его. Хотя порядочнее было бы, как это бывает в ихней заокеанщине-окаянщине, чтобы власть думала о том, что о ней думает поэт. Быть может поэтому, если выйти за рамки Биробиджана, Бродский не любил Евтушенко? А Евтушенко, чистая душа, даже не знал, почему Иосиф его не любит. Но и Бродский однажды прокололся: ведь говорить о себе, что ты поэт, также неприлично, как говорить о себе, что ты хороший человек. Но Иосиф на самом деле был хорошим человеком. К счастью, совпало. Ему было абсолютно наплевать, что о нём думает власть, а Евгению, как ни крути (мне от этого больно, ведь я буду любить его вечно, а не просто *от сих и до сих*), было важно знать, чьи стихи в глубине своей спальни, спасаясь от бессонницы, читает генеральный шах своей шашке. О чём думал геншах – понятно: даст ему шашка или не даст спеть новую серенаду. Но о чём думал поэт? Неужели о том, даст ли шашка шаху, а потом позволит ли спеть новую серенаду, или даст этот вождь ему медаль или нет... Вставит ли он его в шорт-лист,

или не вставит. Говорят, что, когда Пушкин оказался в такой ситуации, он, как человек чести, застрелился. Его дуэль фактически была самострелом.

Вообще, чем отличается настоящий поэт от ненастоящего? Настоящий, после вынужденного рукопожатия с шахом, моет свою руку, а ненастоящий – эту руку неделю не моет. Поэтому у всякой романтики свои фантики и у каждого шаха своя плаха, но у каждой сладкоежки свои орешки.

ВОПРОС О КРАСОТЕ ЖЕНЩИН

Мне приятно сообщить дорогим читателям, что мой панегирик женщинам как самым загадочным небесным объектам не оставил равнодушным член-корреспондента Академии педагогических наук, академика Международной академии технологизации, информатизации и наномодернизации, лауреата премии имени *кой-кого* (там было неразборчиво) Абрама Мозелевича Иванова. Письмо привожу в качестве документа:

– Действительно, как установлено моей лабораторией, биометрические, биогенетические, биоэстетические и биотехнологические параметры русских и еврейских женщин, и всех других женщин, если они обаятельные или хотя бы не на шутку притягательные (причём дело, как известно, не в количестве выпитого, а в его качестве), не оставляют равнодушными значительное число представителей мировой мужской популяции. Причём не только в частном порядке, в ситуации личных симпатий, влюблённо-

стей, но и на уровне внешней политики ряда стран, которую они хотят превратить во внутреннюю, чтобы замолчать наши прорывы. В частности, американцы, так называемые *пиндосы*, французы, так называемые *лягушатники*, немцы, так называемые *колбасники*, итальянцы, так называемые *макароны*, и голландцы, которыми, как в своё время считали англичане, *гадит дьявол*, ведут скрытую от нас работу по вовлечению русских и русскоговорящих красавиц в обогащение генетического и эстетического фонда собственных наций и транснациональных корпораций. Ведь стоит только засветиться на просторах НАТО какой-нибудь нашей очаровашке, как она сразу становится объектом внимания и понимания. Они хотят с помощью новой противоракетной обороны как бы зонтиком запрятаться от мирового общественного мнения, чтобы крутить загадочные, но всем известные шашни. Сам видел в Париже на автобусной остановке объявление на великом и могучем: *Сдам меблированную комнату симпатичной русской девушке, можно с вредными, даже с очень вредными, дальше некуда! привычками*. Ну разве это не удар в самое солнечное сплетение патриотизма? А может быть, у них свой патриотизм? Тогда получается, что из-за этого всем понятного дела схлестнулись в лабиринтах сексполитики, сексэкономики и секструда два патриотизма, а может – три, пять или двадцать пять? Настоящий клубок. И никаких концов. Отсюда, из этой кучималы, из этого клубенья пошла война патриотизмов!

Действительно, у всякой милашки свои фисташки. Стало общеизвестным фактом, по крайней мере в патриотических кругах современной Франции, что мы лягушек не едим, мы на них женимся. В этой связи возникает непростой и подозрительный вопрос. Сможем ли мы что-либо противопоставить наглой и вызывающе-губительной по отношению к нам, к нашей демографии позиции не по возрасту озабоченного дядюшки Сэма (один Клинтон чего стоит!) и однозначно ориентированного галльского петушка с его выстраданной национальной идеей в многовековой революционной борьбе за эротическую свободу с холодными женщинами Туманного Альбиона? Кстати, в чём состоит величие французской нации? Эта нация свободу, равенство, братство и красоту перевела в известную область. А распространение канкана оказывает на человечество не менее благотворное воздействие, чем взятие Бастилии. В этой связи у меня возникает подозрение: а не является ли гениальная фраза Венички по поводу обожания некоторых нежностей всего-навсего переводом с русского на французский? А потом – с французского на русский, сделанного ещё в лицейский период чаровником Сашенькой, которого побаивались строгие маменьки, пряча по чуланам своих любопытных дочурок, а сами, как на грех, спрятаться не успевали. Или не хотели? А ведь у всякой хохотушки свои частушки. Вот тебе, бабушка, и влияние Европы на нашу словесность в самом нежном возрасте. Мол, обожаем, заметил среди родных осин

наш известный певец родной инфраструктуры и пищевой субкультуры. Но как бы то ни было, вопрос не в значении культурных влияний, а в том, что можем мы в свете угроз, исходящих от международного полового заговора? Сможем ли мы уберечь наших сладких несущек от петушинных погремушек их нешуточных игрушек? Ведь у каждой пеструшки свои завихрушки. Сможем ли мы отстоять свое представление о национальной гордости генома с его хромосомами? Сможем ли мы найти в этом вопросе свой суверенный ответ наглым, однако тоже суверенным, притязаниям? Нашла, так сказать, суверенность на суверенность. Короче, вопрос о значении влияний может органично перерасти в проблему влияния значений! Как реагировать на вызов загнивающей цивилизации, жаждущей сублимации? Хотя следует иметь в виду, что энергия Эроса обладает интернационализмом и глобализмом. А это – чистый Фрейд. Ни убавить, ни прибавить. Ведь нельзя замолчать, даже на нашем телевидении, тот факт, что если высшее образование будет развиваться всё дальше и дальше, то проект *Эразм* этого пресловутого Европейского Союза, когда девушки и юноши разных стран, после академических и библиотечных занятий, будут кувыркаться в постельках разных стран. Что можно добавить к этому *закату Европы*. Ведь это не может быть объяснено только посредством основного инстинкта, присущего Приапу. Инстинкт генома, как утверждают ученые мужи и девы, присущ даже баранам и бананам. Здесь

ссылка на растение никакая не описка. Влечение к жизни присуще всему живому, даже траве и на- скальным мхам! Вы послушайте, как визжат голодные хрюшки, почуявшие хлеб с изюмом, вы посмотрите, как рвётся к солнцу одуванчик сквозь растрескав- шийся асфальт. А ведь у людей с этой живностью не- мало общего. Если у травы геном рвется на свободу сквозь базальт, то у человека на свободу рвется не только геном, но и душа. Чувствуйте разницу между Эросом и Приапом? А в душе главное – воображение и информация. А у воображения и информации тоже есть сладострастие. Сплетни о жизни геномов звёзд шоу-бизнеса – это сладострастие информации. Поэ- тому сексуальная политика и власть – это сладостра- стие воображения. Вообще, человек единственное существо, сердце которого разрывается между ду- шой и телом, то есть – между Богом и геномом. Но человек в выигрыше: он свое бессмертие получает от Бога и генома, а мамонты и одуванчик – только от генома! Видимо, в хромосомах сидит мотор влече- ния, так называемая хочучесть, даже у амёб и мушек, танцующих свой рок-н-ролл. Геном всё-таки боль- шой хулиган. Но только до некоторого порога, до определённой границы амбиций. Амбиции эти, как всем известно, присущи всем овощам и хвощам, но человеческий Эрос представляет собой нечто более оригинальное и привлекательное: он формирует и определяет жизненные перспективы личности по поводу бессмертия. У скотины этого нет и в по- мине. У нее нет полёта-залёта творческих страстей,

у неё нет поэзии, по крайней мере – письменной. У нее нет сладострастия передачи информации о секс-скандалах на Олимпе. Другое дело человек! Например, во Франции он называет то, что происходит в момент выхода генома на свободу *маленькой смертью* (la petite mort). Он вводит свой Эрос в культурное поле. Человек – не скот. У человека есть культурный код. Например, человеческий мужчина не может, как деревенский бычок, подойти к телочке, без слов сделать дело и гулять смело. Нет, тут в свои права вступает, так сказать, – общественность, полиция нравов, образовательный ценз и информационные технологии. Здесь необходим какой-никакой банковский счёт. Здесь необходим минимум цивилизации, который есть даже у троглодитов и людоедов-гурманов. Человеческий мужчина должен великодушно расплатиться или, если денег нет, спеть хотя бы серенаду. Кстати, современная наука доказала, что секс, еда и пение серенад управляются одним и тем же геномом. Говоря простым языком (я понимаю как выдающийся ученый современности, что научный язык уже надоел) – управляются из одного и того же центра управления полётами, точнее – из одного и того же кошелька. Поэтому в нашей стране успешный парень, вдвинутый братвой в политику, сразу ориентируется на секс-символ нашей эпохи. Он начинает хорошо питаться и петь дифирамбы тем, кто его вдвинул, продолжая хорошо питаться. Поэтому для отечественной педагогики очень важ-

ным представляется вопрос об унификации государственных стандартов нового поколения для дела полового вызревания и умственного созревания нашей не в меру развитой молодежи, которая в последнее время вопреки достижениям нашей лаборатории...

К сожалению, по техническим причинам письмо ко мне пришло незавершённым. Однако последняя фраза столь многозначительна, что заставила меня задуматься над тем, чему меня учили по истерическому материализму: *владыкой мира будет сексуальный труд!* Я не хочу сказать, что некоторые мысли членкора А.М. Иванова мне чужды, более того, я бы с удовольствием подписался под всем этим бредом, но что-то мне мешает, что-то останавливает кровь в некоторых жилах. Какая-то часть сермяжной правды всё-таки содержится в письме. Действительно, человеческий мужчина не может просто так, ему нужны красивые глаза, изящные уши, стройные ноги и тому подобное. Человек – это единственное в мире существо, которое способно строить воображаемый мир не просто страстно, но сладострастно. А это всё-таки прекрасно, хотя – опасно. Ведь он может вдруг, подчиняясь прихоти генома, полезть, завернув гитару за спину, по водосточной трубе, на сто первый этаж, на балкон к своей пассивности. Поистине закружится голова от этой высоты духа и рыцарских заморочек, которые похлеще харакири. Но от человеческой судьбы, как и от судьбы мироздания, не уйти. А дверь на сто первом балконе сладко манит, вопре-

ки достижениям передовой педагогики. Но в духе кодекса камикадзе.

К вопросу о красоте женщин примыкает вопрос об ораторском искусстве у них и у нас. Вспоминается, один студент Биробиджанского Университета имени Маймонида спросил меня: почему президент Клинтон говорит так гладко? А как ему говорить, думаю немножко про себя и немножко про Клинтона, ведь в ихней Америке из всех искусств – главным является ораторское искусство, поэтому у них много адвокатов и психоаналитиков. А у нас – балетное, правда после цирка. Балетное, потому что, вопреки мнению Пушкина, у нас великое множество красивых стройных ног. Ай да Пушкин, ай да наш забавник. Не мной сказано, но от этого не менее интересно, что ошибки гения в области прекрасного самые опасные. Другое дело, возникает риторический вопрос: разве можно голыми ногами воспитать народ для великого дела построения, вернее, для построения великого дела? Для рабовладельцев, феодалистов, капиталистов и дворян-помещиков, с их балетными студиями, выполняющими функции гаремов, такое воспитание очень даже подходит.

Кстати, один чудесный товарищ – метафизик-сексолог, доктор наук, из настоящего города Орла – поделился со мной сокровенными мыслями своего исследования. Он пишет, что гаремы русских помещиков были необходимы для продвижения европейской культуры в демографическую область жизни.

В те тёмные времена у людей не было еще настоящей истории балета, а если и была, то всё равно она была неисторической, со всякими фальсификациями. За туманным бугром они могут себе позволить соединить историю с ораторским искусством. Мы же можем историю скрестить с балетным искусством. То ли дело наше время, когда у каждой кормушки свои побирушки. Настоящий историк тот, кому позволено станцевать танец с саблями. Действительно, у всякой избушки свои поскрыпушки. И всем известно, что Ленин не любил балет на сцене, но очень любил хореографические миниатюры в политике. Насчёт балерин не знаю. Он даже хотел продать Большой Театр англичанам, самовывозом. Но, к счастью, вмешался красный драматург Луначарский и прочистил товарищу мозги. Но почему генералиссимус так любил балет, это скрещенье рук, скрещенье ног, так сказать судьбы скрещенье? Почему красивые ноги балерин-комсомолок так нужны были вождям, почему в культурно-воспитательных частях Великого Архипелага открывались балетные кружки?

ВОПРОС ОБ ЭРОТИЗМЕ ЕВРЕЙСКОГО ПЛЕМЕНИ

Особняком стоит вопрос об эротической озабоченности еврейского племени, как в Биробиджане, так и в его окрестностях, от Ванкувера до Владивостока. Этот вопрос не давал покоя некоторым видным представителям религиозной философии, как с нашей, так и с их стороны. Не даёт он покоя некоторым патриотическим лицам. В том числе – мне. Могла ли советская власть подавить сексуальную

революцию в Биробиджане, как в своё время подавили сексуальную эволюцию в широко известной Римской провинции? Вот вопрос, который не давал спокойно есть морковный салат одному моему знакомому, с которым в далёкие студенческие времена мы сидели в столичном кафе *Ивушка* на Новом Арбате. Этот товарищ очень болезненно и нервно отреагировал на факт присутствия за соседним столиком двух носатых, черноволосых весельчаков, деливших некую трапезу с двумя очаровательными блондинками, видимо титульной нации. Мой продвинутый москвич выложил как на духу идею древнееврейского полового вероисповедания и агрессивного поведения. Повышенная сексуальность евреев – только прикидываются тихонями – придаёт особое направление их инстинктам, которые присущи всему прогрессивному человечеству.

Идея эта интересна тем, что многие еврейские и нееврейские лидеры примерно в то же время говорили о подавленной сексуальности евреев в диаспоре. Ведь сначала Биробиджан, а затем и Израиль, не в последнюю очередь были созданы для того, чтобы раскрепостить подавленную сексуальность.

Однако если разговор зашёл о евреях, то, натурлих, нужно сразу говорить о Боге. Ведь он создал всё на свете, в частности очаровательных кенгуру. Но кто создал тех отморожков, которые в зоопарке бросают окурки в их мягкие сумочки? Тёмные мысли лезут в мою светлую голову. Неужели Он способен создать такой камень, который сам не

в силах поднять? В конце концов, если Он создал евреев, то почему он не может поставить их на место?

Неужели он создал евреев для того, чтобы анти-сеμίтам не было скучно, чтобы этот аттракцион вдохновлял определённую часть человечества?

Мой товарищ полагал, что все религиозные дела евреев – миква, обрезание и суббота – служат одной цели и имеют своим источником единый и всепроникающий половой культ. Так, миква – ритуальное омовение и освящение предстоящего акта телом всей общины. Община не дремлет, и орган не одинок: за ним всегда присматривают. В этом нет ничего обидного и антисоциального. Потому что данное Всевышним принадлежит не одинокому экземпляру, а всей общине, всему братскому народу. Ты можешь пользоваться своими нежностями только с позволения ближайшего окружения, так сказать благодаря благословению и благоговению. Это очень кстати. В самом важном для человека деле – на подступах к бессмертию, на его приготовительном этапе – нужна направляющая инстанция. Так сказать, присмотр. Здесь самотеком нельзя решить проблему относительного бессмертия, на котором мягко настаивает иудаизм, вступая в спор с христианской идеей абсолютного бессмертия. Строго говоря, так и у других культурных народов. Ведь стоило Андрию, сыну Тараса Бульбы, без разрешения, так сразу наступило возмездие. Вопреки принципам относительного и абсолютного бессмертия. Так что в следующий раз, коли захочешь панночку, будь бдителен: семь

раз умерь и ни разу не теряй голову. Избегай усекования. Но с евреями всё гораздо сложнее. Возьмите хотя бы так называемый *еврейский крест* – обрезание Господне, освящение центрального органа. Господь смело вторгается в святая святых. Он вводит обрезание в ранг ритуальной кастрации, которая есть символический отказ физического отца от своего отцовства в пользу Истинного Отца всех евреев. Поэтому за еврейским Богом скрывается фаллос, а за еврейским фаллосом скрывается Бог, как главный хирург и санитарный врач мироздания. Но самое жуткое заключается в том, что еврейский народ в целом уподобляется центральному органу воображения и деторождения. Получается, что есть народы, как сердце, есть народы, как голова, и так далее. А есть единственный народ, который, как... сами понимаете. Хорошенькое дельце. Слили и *этого* и *того* в сознании трудящихся масс. Отсюда – ненормативная лексика, отсюда всякие анекдоты про *него* и про *него*. Народ только и гудит на эту тему. Поэтому-то все ругают и его, и его, хоть бы кто-нибудь похвалил. Вот она, чудовищная правда *научного атеизма*, плавно переходящего в *научный антисемитизм*. И тайна религии священного чадородия, которую исповедуют иудеи и некоторые христиане... О, язычество на оба ваши дома! И, тем не менее, сказал же поэт: *счастлив тем, что целовал я женщин*. И кажется, он не был евреем. Но любил еврейских женщин. Наконец, суббота – это день ритуального соития, день пробуждения животного электричества, кото-

рое напускается на иудеев. В этот день *амурные отношения* для еврея строго обязательны, но не как работа, *секс-уоркерс*, а как праздник, как карнавал, как игра, как удовольствие, как вино и фаршированная рыбка. В субботу супруги как бы имитируют брачный союз между еврейским счастьем и *царицей Субботой*, которая идентифицируется с другими ближневосточными лидерами. Бог придумал любовь, которая существует больше в мозгах и в сердце, чем в постели. А что тогда существует в постели? Одоление демонов! Нам говорят, не подглядывай. В этом смысле Тристан и Изольда тысячу раз правы. Только меч спасёт нас от разврата. Действительно, древние мудрецы говорили, что служение Эроту не терпит суеты, но тут-то имеется одна штука. Это у зверей нет никакой суеты; у человека всё обстоит иначе. Он нуждается в этой суете. Некоторые её называют культурой. Человеческая особь свое природное влечение расцветчивает всякими красками и узорами, обставляет замысловатыми словами, ритуалами и милой болтовней. Кстати, для этого человек придумал поэзию, эту нескончаемую *Песнь песней*, главное в которой – синтаксис. Человеку в деле любви нужны благовония, музыка вдохновения и всякие нежности, отнюдь не телячьи и не жеребьячьи. Потом, Эрос – вездесущ. Он пролезет в любую социальную сеть. Даже в экономику и политику. Не будем распространяться об эротике рекламы или эротике современного офисного романтизма, но заметим, что в политике он стал занимать не последнее место,

в виде спорта, который стал политикой. Ведь спорт – это манифестация тела, это триумф остервенелой воли и осатанелой страсти. Он должен стоять на высоте политики госзаказа. Другое дело, что политикам нужно чувство юмора иметь по поводу того, что спорт – это всё-таки игра. Повторю, игра тела, а не чиновничьих желваков. Конечно, возникает вопрос: можно ли к спорту пришпандорить ружье, в крайнем случае – булыжник? Можно ли к хоккейной клюшке прикрутить рапиру, а в футбольный мяч вставить радиоуправляемую гранату направленного действия, но без осколков, чтобы в случае неудачной передачи свой парень из трибуны почётных гостей послал нужный сигнал. Черт с ним, с инвентарем. Но было бы здорово, если бы нашкодивший соперник вместо мяча получал облачко дыма. Я не удивлюсь, если после матча шахматных команд сторонники победившей команды, закрепляя успех своих любимцев, устроят Варфоломеевскую ночь болельщикам проигравших; тогда достанется и честным увальням из ОМОНа. Вот так-то, ведь нам нет преград. А почему-то в ранние времена проигравшие били любимчиков Фортуны, и все к этому притерпелись. Теперь болельщики проигравших не прочь отмутузить игроков своей же команды. Кого люблю, того и бью. Поэтому под грузной сморщенной вертикалью стоит вопрос: можно ли к спорту, как и к сексу, относиться с паучьей серьезностью?

Великий тренер Моисей Богданович сорок лет водил свою команду по пересечённой местно-

сти, чтобы воспитать патриотизм, чтобы народ не соскучился и научился ценить свое место оседлости и нюансы географической подлости. Я думаю, что только у двух великих народов – евреев и русских – непреодолимые проблемы с географией и историей. Различие в том, что евреи свою географию засунули в свою историю, а русские свою историю упрятали в свою географию. Без географического и исторического патриотизма не будет Родины. Последний довод критиков патриотизма – это высказывание Льва Яснополянского, которое он вычитал у одного английского интеллектуала, что патриотизм – последнее прибежище негодяя. Однако Джонсон, этот английский Самуэль, имел в виду нечто другое. Он в свою хлесткую формулу внес иной смысл: даже самый пропащий человек, как бы негодяй, может сохранить в себе нечто хорошее человеческое, если у него проснутся патриотические чувства. Некоторые говорят, что главное в патриотизме – это любовь к власти, к правительству, потому что правительство – это не просто нанятые народом специалисты различного профиля и назначения, это еще объект любви и поклонения-преклонения, потому что их кое-кто сверху поцеловал в животик. Поэтому некоторые патриоты уже не говорят родине: я тебя люблю, они говорят: *я на тебя упал*.

Конечно, этот процесс пошёл еще в давние дикие времена. Первые вожди племен человеческих, несомненно, были весьма эротичны, что ни король, что ни император, то вылитый мачо. Ведь не зря сказано

еще в позапозапрошлом веке князем Ширинским-Шихматовым, что Москва *приемлет и объемлет* лоном / *Властителя полночных царств*, то есть Петра Великого, а потом всех питерских. А если взять очаровательных протеже итальянского премьера Берла, любимчика всепонимающих Лолит. Конечно, мы со свечкою не стояли, наше дело – пропускать сплетни мимо ушей. В этом смысле у нас мертвые уши, но всё-таки – живые души. Может, в неблагодарных критиках этого чудо-парня говорит банальная зависть. Но согласитесь, если эти прирученные леди, мамзели, этуали сквозь волшебные свои вуали начнут гипнотизировать жуткого змея, который сидит внутри каждого нормального и ненормального мужика, то успех их партии обеспечен. В каком-то смысле – виртуальный массаж высшей категории может привести к таким потрясениям, которые невозможно вызвать простой фальсификацией выборов. В этом смысле сексуальный ресурс будет похлеще административного. Быть может, правы те весёлые ребята исламского мировоззрения, которые заставляют своих женщин носить чадру, чтобы не разжигать патриотизм у электоральных мужиков. Но они пошли ещё дальше в развитии своей самобытности. Они не разрешают своим женщинам цокать каблучками. Под запретом цок-цок-цок. Мораторий на скок-скок-скок. Волшебная музыка эротической эстетики и генетики под запретом? Умора, да и только. Цок-скок. А как быть тогда с любимой песней эпохи нашего созревания: *слышишь*,

каблучки по асфальту стучат. В этом цок-цок-цок слышалось нечто прекрасное. Конечно, опасное. К счастью, мы услышали. Потом начались шекспировские страсти и житейские напасти. Ведь пол – это страшная сила, она страшнее даже самой смерти, а страшнее смерти только жизнь. И что плохого в том, что сексуальные революции – это праздник всем угнетённым и эксплуатируемым. В конце концов, *твое тело – это твоё дело.* Это праздник, который всегда с тобой. И со мной. Тело хочет праздника, а народ хочет тела. Поэтому древние греки и древние евреи, сговорившись, завещали всему европейскому человечеству свои программы для построения счастливого общества. Они завещали любить *это* дело, хлеб и вино. В этом смысле все прекрасные женщины, вопреки инсинуациям радикальных феминисток, хотят быть эксплуатируемыми. Быть рабом любви – великое назначение человека. В конце концов, если у человека нет любви, то ему необходимо предоставить хотя бы *секс-бомб-убежище.*

Действительно, об этом догадывался наш Маяковский. Он придавал, как известно, классовой энергии пролетариата эротический смысл, а эротической энергии – классовый смысл. Всё потому что он был *поджидовствующий*, а это не мои выдумки, а трезвый взгляд нашего современника Дм. Бесконечно-Тупиковского на еврейский революционный авангард. Этот товарищ считает, что Маяковский, как и вся Россия, был отравлен иудаизмом-эротизмом, он униженно-женски влюбился в иудаизм, поэтому

ошибка поэта (помните: *ошибки гения – самые опасные*) в том, что он сказал: *а себя, как я, вывернуть не можете, чтобы были одни сплошные губы!* Дмитрий считает, что Маяковский вывернулся еврейскими губами, а губы – это *нерусская часть лица*.

Нерусская часть лица? Нерусская часть лица! Вот так всегда будет со всеми, кто будет настаивать на том, что губы Пушкина и губы Пастернака – это русская часть лица. Ах, Дима, Дима, а фаллос – это еврейская часть лица? Я тебя понимаю, это еврейская часть души, возведённая в степень большой политики. Ты парень начитанный, конечно, знаешь, как *агитпроп* запрещал постановку оперы Сен-Санса *Самсон и Далила* по причине того, что в ней имелись мессианские, библейско-сионистские и революционно-эротические черты. О! Страх и ужас! О, Самсон! О, Самсон! Из этой оперы торчит *еврейский вопрос*, а про губы даже говорить не следует. Все губы, губы. Сплошняком. Но откуда и куда вдруг выскочил в этой опере *ер самсонов. В докладной *телеге* на имя цековского секретаря Сусловича чёрным по белому утверждалось, что у этой оперы есть отдельные идеи, которые могут разжечь сионистские прозрения среди еврейского населения и антисемитские подозрения у коренной нации, на́ дух отравленной ложной предвзятостью этого *сион-санса*. Поэтому нужна забота о душевном здоровье всего населения. Попытка уберечь его от разврата и звона злата. Поэтому: всем сестрам по серьгам – полный оперный запор. Но почему Сус-

лович так был озабочен морально-политическим единством еврейского народа? Ну, чистый Моисей Богданович. Ведь есть на свете немало других народов. Запущенных, небритых, нетрезвых. Думаю, да хрен с ним, с этим еврейским населением. Его развращенность не знает границ, ему вообще границы нипочём. Всем известное перекаати-поле, безродное, почти – антинародное. Но вопрос глубже. Есть же и геополитические интересы: ведь кроме этого демографического чуда-юда есть еще множество других населений, в том числе – до сих пор не выявленные евреи-оленоводы, скрывающиеся от карательных органов налоговой инспекции, ещё с годов великого перелома народного хребта. Они бродят по тундре с тех времен, когда потерялось одно или два колена. А что будет с ними? Ты подумал о братьях по мировой заразе, которая передаётся из губ в губы, как любовь... Я не шучу. Вот у нас в одном из хабаровских вузов, на кафедре по нанотехнологиям, один новоиспечённый кандидат наук из приличной семьи аборигенных народов вдруг заговорил о еврейской опасности, которая угрожает человечеству и особенно – коренным народам Прииорданья. Из-за этой Далилы с её любовником, у которого торчали не только губы и уши, но кое-что похлеще... Да, тот цековский секретарь знал, что оружием пролетариата мир не удивить. Ты помнишь, а разве, он один? Не следует забывать о знаменитом символе великой и прекрасной эпохи *Мачо с булыжником* – скульптуре Ивана Шадра – *Булыжник – оружие пролетариата*,

которую наши борцы за мир от широты душевной, но на наши налоги, хотели установить в качестве идеологической приманки в стриптиз-центрах этих самых европейских столиц. Чтобы чуть-чуть утишить буржуазный дух всемирного еврейства. Против всемирного потопа и антиеврейского трёпа не попрёшь. Поэтому с евреями следует разобраться: забить камнями капитализм, разве это не интернациональная помощь потенциально братским народам, которые бунтуют против энергии семитского племени с их военщиной. И вдобавок нацелить наши ракеты на их столицы. Кстати, это ещё один пример вытесненной сексуальности при тоталитаризме (господин Фрейд, ау, ау): если мы с французами не можем конкурировать в области эротического театра, то хотя бы нацелим наши ракеты на центры глобального стриптиза и экономические зоны свободного эротизма. Ты чувствуешь эрекцию патриотизма, когда усталая подлодка с вздрюченными баллистическими ракетами из глубины идёт на Вы? И наше дело будет бравое, несмотря на всю левизну европейских интеллектуалов. Но вертикаль должна быть вертикалью. Она должна стоять как Эйфелёва башня, в крайнем случае – как Пизанская.

Так что борьба за мир продолжается, ведь нам он нужен позарез, сказал вождь-головорез, у нас ведь территориальный дефицит. Нам мира не хватает. Всего навалом, а вот землицы нелишне было бы прирезать и кое-кого ещё. Велика Россия, а сколько кадыков уже перерезано из-за лакомых пятачков

народной территории в пределах Садового кольца, которому нет конца. Что поделаешь, нас так воспитали: сам Алексей Толстой, наш красный граф, в *Аэлите* написал, что скиф Гусев только и думает о том, чтобы присоединить Марс к рэсэфэсэру. Сейчас американцы с китайцами соревнуются, кто первый захватит Луну как объект мировой поэзии. Но это лунная пыль, пущенная отъявленными пресс-службами для отвода глаз от истинных причин их поведения. Всё дело, конечно, в лунной нефти, которую наши заклятые друзья хотят прикарманить.

Родные мои, я не хочу ни в коем случае бросить камень в пролетарский огород, в котором постоянный недород. Хотя тот чертёнок с булыжником, будь он неладен, быть может, и хотел бы кое-что пулянуть невпопад в буржуазный сад, но по недомыслию, в результате обработки, проще говоря, – оглупления *ящиком* и зомбокодирования на всех каналах. Пролетариат не виноват, он и так настрадался из-за нехватки еды, из-за того, что у крестьянина, его родного брата, земли как не было, так и нет. Один козёл с козой гуляет в огороде. Что за спрос с этой бородастой парочки? Даже если стричь, то шерсти – мало, а бляения – много. Другое дело вожди, которые должны ответить за то, что они вручили булыжники этому самому пролетариату и показали на плохих дядек. *Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем.* Ну, раздули, а он взял да перекинулся на крестьянские соломенные крыши. И не стало целого класса. В деревне кладбищенская тишь. Картошку завоз-

ят из Верхней Запупезии. В следующий раз нужно быть поосторожней. И с ракетами этими, как с булыжником, не очень побалуешься. Хотя, имея такое оружие, можно им побряцать, а потом обменять на картошку и рис. Ведь человек с ружьём в виде черта с булыжником до сих пор сидит в окопах сознания, но жрать-то хочется. Мне пришла в голову отвратительная мысль – в тот момент я даже отпрянул от зеркала – не наладить ли производство этих булыжников в Нижней Запупезии? Может быть, нам хватит денег на перевооружение Верхней Запупезии. Тогда можно будет нацелить эти булыжники на европейские столицы, что советуют сделать наши бравые, которые боятся остаться без работы, хотя открылись тысячи вакансий во властной вертикали, в которой работает лифт на двоих, и на своих. Кстати, ракетным снайперам-старперам абсолютно наплевать, что в этих столицах гуляют тысячи и тысячи наших студентов и туристов, дипломантов и дипломатов, шпионов и разведчиков, легалов и нелегалов, пионеров и пенсионеров. Гуляет немало и наших очаровашек, ведь, как было уже сказано, у каждой крошки свои дорожки и свои сапожки. Нелишне было бы подумать и о дружбе народов посредством Отца и Сына. Поэтому я не могу согласиться с тем, что венские товарищи Фрейдман и Фрейдзон нам не товарищи, несмотря на их странное происхождение. Еще какие товарищи по борьбе за здоровый и безопасный секс на международной арене. И это было доказано в суровой идеологической борьбе за сносное половое

поведение вечно зелёной биробиджанской молодежи. Так что даже здесь против генома нет приёма. Какие геномы, такие и приёмы. А губы они и в Африке губы, спросите у Александра Сергеевича. Кстати, внук этого Фрейдзона, губастый такой, кучерявый крепыш, когда открылась прямая авиалиния *Вена–Биробиджан*, прилетал в наш родной штетл с лекцией о том, что культура не удалась, Запад, хотя прогнил, но нам поможет, Африка вошьет свежую кровь в старые европейские мехи. Наша духовность превосходит все остальные сорта. Мы Ватиканскому Папе покажем кое-какую маму. Нужна свежая струя пьянящей скифской крови и с нашей стороны. Чингисхан омолодит Европу.

Вот такой он, этот многополярный мир. Недаром говорится, что для дела мира нужны два Шапира. Есть два мира – есть два Шапира. Один Шапира служил в цэрэу и для прикрытия работал в газете *Правде*, а другой – в кагэбэ и для прикрытия служил в *Нью-Йорк Таймс*, что нередко приводило к путанице на явочных квартирах. Причём один оказался перебежчиком к нам, а другой – к ним. Кстати, оба были бессребреники, перебеги из одного стана в другой делались по соображениям любви: один в детстве начитался англо-американских сказок с хеппи-эндом, а другой – русских народных сказок со счастливым концом. Кстати, оба были губошлепы, потому и попались. Но, к счастью, разрушилась от кислотных дождей Берлинская стена, и можно было спокойно перелезть через бетонно-арматурную

труху, чтобы оказаться в объятиях высшего руководства нешуточных ведомств. Весь мир, затаив дыхание, рукоплескал бартеру на знаменитой встрече, на Эльбе, где, между прочим, в свое время обменяли либерального коммуниста на либерального капиталиста. Весь прогрессивный мир тогда рукоплескал сам себе от полноты чувств и от кристаллической ясности светлой капиталистической безопасности в одной, отдельно взятой стране, в эпоху гласности.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Неких работников народного образования интересует моя родословная. Сразу скажу, без лишней скромности, чтобы не интриговать, она славная. Мой папа был сыном молчаливого ремесленника-шорника. С такой родословной могут даже взять в кремлёвскую роту почётного караула, но всё дело в конфигурации губ. Интересен также вопрос о том, отвечает ли наше поколение за грехи отцов, которые ели кислый виноград, а нашим внукам досталась только синтетическая аскорбинка, которую можно приобрести в аптеке за шуточные копейки.

Моя родословная имеет отношение к важнейшему вопросу современности: какие дети рождаются у поротых отцов? Как бы то ни было, мой папа был сыном немногословного ремесленника, далёкого от великосветской хроники. Он спокойно принимал идею о том, что Марс должен быть советским, что Марсианская Социалистическая Республика укажет народам дорогу куда надо. Прошу учесть, что время

было полно светлых надежд и весёлых ребят. Уже изобрели радио, вследствие чего народ полюбил советскую власть. Любовь Орлова прекрасными песнями прославляла свои умопомрачительные формы, а её гениальный муж закончил Голливуд. Михоэлс в фильме *Цирк* пел колыбельную на идише, чтобы через несколько лет получить по губам колесом промчавшегося грузовика...

Однако тяжким грузом лёгкий позор свалился на хрупкие плечи моего многострадального народа, когда мой папа на несколько дней был исключен из соцдорфовской школы еврейской молодёжи за то, что во время урока по сталинской конституции въехал в класс на весело визжащем, заляпанном свежим навозом борове. Хорошо, что не ворвался на новеньком *Фордзоне*, который переплыл Атлантический океан и победно вкатил в колхоз *Заветы Ильича*, который начал процветать в Джанкойском районе Крымской области. Трактор был прислан из страны заходящего солнца нашей неудавшейся цивилизации для помощи братскому еврейскому народу в деле подъёма коминтерновского свиноводства и земледелия на святой многонародной земле. Прислала *порозовевшая* Америка, но даже такую Америку наши отцы-руководители предпочитали видеть сквозь прорезь прицела.

Как известно, много весёлых ребят было порастреляно из-за некоторых буйных авантюристов, которые вдруг захотели превратить полуостров Крым в остров Крым, предложив прорыть гигантскую

траншею в самом тонком месте. Но где тонко, там и неймётся. Получившийся остров они хотели отдать еврейско-украинско-татарской публике в составе российской республики. Что вышло из этой провокации для нашей нации, всем известно: тракторизм был расценен как терроризм. *Фордзон* и вся трудовая номенклатура оказались врагами народа. Трактор в поле дыр-дыр-дыр – пролетарским будет мир. А тот ров впоследствии, чтобы не пропадал напрасно, был частично использован немецкими захватчиками уже во время войны для процедур по укреплению расовой гигиены арийской нации.

Но вернёмся к моей славной родословной. Сейчас, с высоты нашего времени, всем понятно, что, конечно, эпоха для обкатки борова была выбрана необдуманно. Ведь были же другие уроки. С той конституцией шутки были плохи. Дело кончилось тем, что председатель социалистического колхоза Зуся Фельдман был вычеркнут из списков по получению продуктовых карточек как враг еврейского, татарского и русского народов при моральной поддержке всех народов. Разумеется, дело было не в борове; дело было в той конституции и в приближающихся выборах в органы власти. Эти выборы нужно было подготовить, обеспечить, так сказать, административный ресурс, что и поручили сделать эффективному менеджменту после *великого перелома*: *нам ли стоять на месте, в своих дерзаниях всегда мы правы*. Тех, кто мог помешать, вывели из избирательной игры. *Я стреляю, и нет справедливости*

справедливее пули моей. А Зуся был честным парнем, потому что уважал не только своё мнение, но и мнение других людей. Хотя искренне верил лозунгам большевиков о народной власти. Потому что был интимным коммунистом, без людоедских зверств. Имел он хорошую голову и золотые руки, но для той конституции на всём должно было стоять классовое клеймо. Поэтому ворошиловские стрелки оказались при деле. Они в своих подвалах вышли на первое место по живым мишеням в самое яблочко. Удивляюсь, почему в нашей стране стрелковый спорт не получил статус национального. Ведь у нас стрелять – это не в футбол играть.

Меня всю жизнь тревожил тот факт, что мой папа своим опрометчивым поступком подлил как бы керосин в очищающий огонь переустройства деревни. И дался ему этот боров... Ведь он тоже сгорел в жертвенном огне в результате красной чумы, которую в отчётных документах стыдливо прятали за словом *эпизоотия*, поэтому людоедство эти менеджеры именовали *ящуром*. Так и писали: в таком-то районе зарегистрировано *пять случаев ящура*, а в другом – двадцать пять...

К чести эпохи красных крымских колхозов, эпохи *марша энтузиастов*, следует сказать, что никакого национального геноцида она не знала. Голубоглазого русака могли с таким же успехом зарезать в гладиаторских подковёрных игрищах на заседании убойбюро, как и черноглазого картавчика из Бердичева, как и кареглазого хохла-балагура из Умани.

Резали за то, что они не были в достаточной степени сознательными.

...Лучшими друзьями детства моего папы были немецкий мальчик Буба и татарский мальчик Сулейка, а с их отцами произошло то же самое, что и с Зусей Фельдманом. Потому что они были трудовыми бригадирами и в глубине сердца не хотели быть сталинскими соколами. Они не хотели быть маленькими вождями. Им говорили, что есть один большой, очень большой, и должны быть миллионы маленьких. Но как бы фитюлек. Тогда народу будет счастье. Хорошо, что с отцом моего отца всё было нормально, так как он был простым шорником, и с людьми не разговаривал на общественные темы, а всё больше с козами, жеребьятами, телятами, причём на идише. Он мало читал, потому что гламурных журналов на идише тогда не печатали. Поэтому какой там национальный геноцид? Геноцид был каким угодно, но только не национальным. Он был интернациональным, против тех, кто не подходил по идейному калибру. Поэтому следует согласиться с этой пропагандой в том, что тогда все жили в братской семье, но оказались в братской могиле народов. От братской семьи до братской могилы оказался один всего шаг. Если – братская могила для всех наций, то это никакой не национальный геноцид... Братишек косили справа налево и слева направо, не по национальному признаку, а – inferнальному. Убирали тех, кто не хотел большевизма как магистрального пути истории. Конечно, жертвы той зачистки не говорили красиво,

но они душой чувствовали, что *вихри враждебные веют над ними*. Чем социальный геноцид лучше национального геноцида, одни светочи исторической науки знают, и молчат. Чем классовый социализм лучше национального социализма? Законы классовой или национальной борьбы, говорят, могут привести человечество к крену в светлое будущее. Поэтому хрен с ним, с этим настоящим. Кому оно нужно? Только всяческим недобиткам. Нам нужен крен в будущее. Мы опьянели от будущего. Потом началось похмелье. Потом все стали пить водку, чтобы забыться. Поэтому моя родословная оказалась подмоченной, но самобытной. Кстати, мне один парень с Курил пишет, что я неправильно размышляю о самобытности харакири, что я не понимаю национальных моментов гордости того или иного народа за своё великое прошлое. И хотя о харакири я вообще не пишу, он, видимо, меня с кем-то перепутал, отвечать придётся и за этого парня. Харакири, знаете, совсем неприятно и даже некрасиво, мне сообщает этот парень, как будто он это дело пробовал и знает не понаслышке. Не совсем приятно? Это кому как. Некрасиво? А если они это дело любят? Если они это дело уважают, ставят на высоту своей ментальности, то очень даже красиво. Эстетика харакири очень важна для сплочения харакирского народа, это вам не этнические косички, которые просто радуют глаз, или *наше всё!* я имею в виду национальные блинчики с икрой на масленицу, которые с воодушевлением принимает наш народ! От почвы и национальной гордости

никуда не сбежишь. И у них харакири радует человека всей мощью синтеза чувств. Поэтому пусть расцветут цветы всех культур и идей, и всех цветов.

ЖГУЧИЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Из далекого подмосковного города Пупсово, из своего офиса, ко мне обращается со жгучими вопросами авторемонтник Василий. Он спрашивает: не много ли я уделил внимания в *грёзах* (он несправедливо называет мой труд *биробиджанские хиханьки и хаханьки*) так называемым евреям? Не потому ли, что я их считаю избранными? Солью земли, в крайнем случае перцем? Что я их прикрываю, мол, как явное непотребство, лавровым листком цвета хаки. Не наношу ли я оскорбление другим важным народам, зациклившись на этих, как он пишет, *яврэях*? Василий мне сообщает, что когда он в гараже вместе с друзьями в конце рабочего дня *соображает*, то он часто слышит, что *яврэи* являются в худшем случае внутренними врагами, которые покусились на русское сало; в лучшем случае – внешними козлами отпущения, которые покусились, и даже прикусили русский язык, на котором этот народец пишет письма в Европейский суд по правам. Опять-таки этих *яврэев*. Причём прикусили язык, который не является еврейской частью лица. Ну что я могу тебе ответить, дорогой мой Василёк, шелапут ты этакий. Действительно, британские учёные выяснили, что, с одной стороны, они на самом деле избранные, прежде всего потому, что умные люди избрали их

как немеркнущую тему для обсуждения собственных проблем. С другой стороны, они такие же сволочи, как все остальные, хотя среди них попадаются приличные люди. Например, Перельман со своим носом и губами смог же написать *Занимательную физику* для ребятишек всех стран, независимо от строения их губ. Но ты морщишься и говоришь, что академик Минц всё испортил, написав *занимательную историю*, которая не прибавила уважения еврейскому народу и оставила с носом партийную идеологию. Причём с каким носом! Мой дорогой, да, согласен, народ еврейский не должен воротить нос от исторического срама, с торчащими из него еврейскими ушами, он должен ответить за своих *героев*. Поэтому пусть евреи ответят за своего Исаака Минца. Отвечаю, в разрезе момента, хотя основной еврей в русской земле – Иисус Христос – уже за всех ответил, кто к нему прислушался. Как быть с теми, кто в него не верит? Но не закрывай глаза и ты, ведь Исаак писал свои книги по указке своего сердца, а сердце-то было не еврейским и не христианским, а партийным. Партия же принадлежала спецконтингенту, а он принадлежал Кощеям Бессмертным, на разных этажах и виражах времени, а главный Кощей, усатый жук, принадлежал партии, тогда как партия принадлежала Кощею. А народ и партия – едины и неделимы! Поэтому ты недалеко отошёл от понимания сетевого патриотизма, в котором Минц и Кощей слились в экстазе. Но причём здесь еврейский и русский народы? Вася, объясни. Если некий субъект – проходи-

мец и уходимец, то это не от крови, а от воспитания. Например, у Осипа Мандельштама было хорошее воспитание. Ты, кстати, пишешь, что Осип не *ваш*, а *наш*, но, проказник ты мой, в тех краях, в которых он обитает ныне, нет ни *ваших*, ни *наших*. Там живёт только Бог. Вася, будем требовательны не только к высшим материям, но и к самим себе. Ведь ты держал в мускулистых рабочих руках не только кувалду пролетариата, но и букварь политических знаний, в котором красным по черному было написано, что так было, есть и будет всегда. Ты мне сообщаем, что некоторые твои знакомые переживают, что Гитлер изгнал из Германии почти всех создателей американской атомной бомбы. Василий, подумай, среди создателей тобой любимого нашего ядерного щита примерно половина – это гениальные люди русской и всякой славянской национальности, и гениальные люди еврейской национальности. Извини, так получилось, по теории вероятности так получилось. Однако – факт: атомную бомбу страна любит, а евреев – не любит. Нет, мой любезный оппонент, но в чем-то и проponent: любишь кататься – люби и налоги платить... Пойми, что дело у нас не в нации, а в классовой конфронтации. В социальном бандитизме.

Потом ты пишешь, что русским может быть даже еврей, татарин и тунгус, если им прикажет Ус или если они будут православными. Тут ты сталкиваешь свой лоб с такими проблемами, которые нельзя решить, но над которыми нужно работать, то есть под-

няться над ними. Вася, выше голову. Человеческий лоб не может выдержать тех ударов судьбы, которые под силу лишь Всевышнему.

С другой стороны, быть может, ты пьёшь не ту водку? Василий, не забывай, что всё дело не в количестве, а в качестве. В нём – наша и ваша сила народная. И смысл философии всей. В количестве – сила антинародная, в качестве – сила народная, которая нас к счастью ведет. Всё-таки прикинь содержанием своего интеллекта, если они составляют в населении славного Биробиджана несколько процентов, то уже этот факт требует выводов и внимания. Тем более с процентами всегда была некая неразбериха. Непонятно, где с процентовой норма, а где патология. Где патология как норма, а где норма как патология. Помню, как в условиях брежневского благодушия, в самом его финише, ответственные товарищениормировщики мне показали партийный документ, где один пункт говорил о возрастании их доли среди преподавателей кулинарного училища при железнодорожном техникуме. Там-таки паровоз перестройки тронулся еще в те времена. Потом, Василёк, не терзай мне душу о жанрах, у меня всё-таки *грёзы*. Грёзы на то они и грёзы, что выламываются из законов прозы, что они дают возможность дать волю чувствам и симпатиям. Как известно, они дают простор для построения воздушных замков воображения. Говоря же о жанрах литературного письма, ты правильно намекаешь, что политическая порнография опустошает душу, так как не даёт человеку

грезить о прекрасном, самому создавать образы нежных проявлений. Она как бы выбивает табуретку из-под его достоинства. Грезёр – это почти поэт, но не печатающий свои грёзы, а складывающий их кладовку души и памяти. И ждущий стука в дверь. Сюрреалистический тук-тук. Сюрр-стук, сюрр-стук. Ведь, если строго по-научному, то, конечно, упоминать евреев, говоря об эллинской эпохе или средневековом интеллектуализме, у нас не было принято. Их часто вспоминали и описывали в связи с убийствами христианских младенцев, распространением чумы, капитализма, религиозной гигиены и наличием губ как нерусской части. Ты и сейчас можешь это увидеть на памятных *чумных столбах* на братских могилах во многих городах Европы. Завезли чуму, хриstopродавцы. Науськали крыс на правильные народы. Но вопрос глубже, и тут я с тобой согласен. Они должны ответить за Америку! Эту чуму капитализма, занесённую из Европы благодаря еврейским крысам, сбежавшим с корабля на ихний бал.

Проклятый вопрос висит в нашем многоароматистом воздухе еще со времен отцов-основателей *американской мечты*. Ты мне пишешь, что прочитал в одном толстом журнале, что Томик Джефферсон сокрушался по поводу Конгресса. Мол, он не может ходить в Конгресс, потому что там никто не моется и все, извините, пер*ят и галдят, галдят и пер*ят. Он там дышать не мог – он, как денди, носил с собой парижский одеколон, который всё время нюхал, буржуазный чистоплюй, чтобы не слышать химического

оружия Конгресса. И вот над этим сбродом стояли кореша Томаса, сказать по-простецки, по нашему – элита. Примерно – до сотни. Примерно – сто писят. Ты считаешь, что этого мало? В России же того времени таких людей, сравнимых с уровнем этой джаз-банды, было раз в пять больше. Но в России их никто не слушал, а в Америке – каким-то фантазмагорическим образом – элите с уважением внимали уголовники, сельские кретины и проститутки. Прошу прощения – *секс-уоркерши*. А у нас-то народ был благородней, по крайней мере – не хуже. И где он сейчас? Вася, очнись.

Ты пишешь, что для яврээв характерны три основных влечения, переходящие в страсть и связанные с полом, образованием и едой. Я тоже думаю, вслед за крупнейшими головами в этой отрасли, что за эти три основных влечения отвечает один и тот же геном. Это так называемый еврейско-христианский геном, который был инфицирован самим дьяволом, геном демократии и либерализма, материализма и социализма, который ещё называют иногда – жидомасонским. Ведь недаром злые языки утверждают, что их всегда тянет в революцию. Мол, революции, особенно экономические и сексуальные, – это всегда праздник для евреев. Это понял в свое время апостол Павел из Тарса, он как бы в воду Биры глядел. Когда ему всё это надоело, он решил порвать с еврейской сексуальностью и жидомасонским общепитом навсегда: *Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жён должны*

*быть, как не имеющие... А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как уго-
дить Господу; а женатый заботится о мирском, как
угодить жене... выдающий замуж свою девицу посту-
пает хорошо; а не выдающий поступает лучше.* Ну
что тут скажешь с точки зрения генома. С твоей же,
Василий, точки понятно, откуда те цветочки. Откуда
взялась вековая война лучшего с хорошим! Мол,
у евреев есть нечто хорошее, но у Павла есть нечто
лучшее. А лучшее – враг хорошего. Сейчас это знает
любой профессор по еврейским делам, а тогда знал
один апостол Павел. Если это так, то как тогда быть
с мудростью из Талмуда о том, что *мужчина без жен-
щины – не человек?* А женщина, эта ягодка, эта грёза
мироздания, это сладострастие воображения, без
мужчины – кто? Думаю, что с несогласия по вопросу
о любви к жёнам и по проблеме кошерного питания
и начался еврейский вопрос две тыщи лет тому на-
зад. Ведь от этого факта может даже поехать крыша
мира без всякого визового режима, как у семита, так
и у антисемита. Ты только подумай, половой и кули-
нарный вопрос в те давние времена стал еврейским
вопросом! Этот вопрос подхватил гитлер энд К^о. Им
страшно не понравилось, что евреи размножаются,
что они влюбляются в арийских персонажей, что они
портят и оскверняют благородную кровь и молоко
великого германского народа. Его физику и мета-
физику. Короче, вся Европа ожидала. Им надоело,
что у многих арийцев, которые по паспорту, преда-
тельно торчат губы, вылепленные презренным, по

их понятиям, семитским богом. Тем более что иногда арийские седалищные щеки нагло и в насмешку выдают негерманские черты лица. Тут у любого народа может возникнуть подозрение о чистоте кровяных тельц. Тем более что на повестку дня вышла проблема качества немецкого молока и крови. А ведь от этого зависит судьба Европы и внутреннеполитические гарантии. Я уже молчу о коррозии национальных почв и судьбе бытия.

Василёк, в письме ты утверждаешь, что пролетариата у них не было. Они – сплошняком буржуйского племени-семени. Они – торгаши, юристы и клоуны-артисты. Ты с нескрываемой болью спрашиваешь: найдите мне хоть одного кочегара-еврея? Василий, успокойся, вполне может быть, что у какого-нибудь чумазого русского кочегара за тонким налётом патриотической сажки скрывается трепетная кожа еврея-выкреста. Хотя ты в своем письме с вызовом намекаешь, мол, вор прощёный, конь лечёный что яврэй крещёный. Но всё-таки – будь поосторожнее с огульными обвинениями. Хотя не мне тебя информировать, но, по твоей же версии, в аду кочегарами, как правило, работают *яврэй*. Подчёркиваю, не отдыхают, а работают.

Другое дело, понимаешь, Василёк, в отличие от гитлера энд К^о, я их просто-напросто люблю, этих яврэев. Хотя бы за то, что они тебе и себе выдумали христианство, которое согревает наши души теологическим теплом, так же как и огненная влага, когда она *ложится на кристалл*. Эту кристальную влагу

выдумал великий Дмитрий Иванович, по слухам, тоже имевший в родне некоего Менделя. Повторяю, по слухам. Неподтверждённым! Но он же действовал не по указке инопланетян, основных виновников чудовищного раздвоя на нашей русской улице. Они не были бы такими хитрованами, если бы не избрали евреев в качестве проводников своей воли и своих планов. Поэтому проясняется вопрос: зачем великий химик изобрёл это жидомасонское оружие массового поражения братских славянских народов, жертв от которого многократно больше, чем от Хиросимы с Нагасаками? Вот оно, как сказал на одной полунаучной конференции один угрюмый мужик, сатанинское племя во всей своей неприкрытости, спаивающее русский народ. Кстати, если бы ты, мой дорогой, следовал еврейской традиции, сделав вовремя обрезание, то ты бы первый стакан выпивал сам, второй – делил с другом, а третий отдавал врагу. Что, у тебя нет врагов? Подумай, Вася, зачем тебе три стакана подряд? Ты говоришь, что так лучше серебрится нутро. Согласен, мой золотой, но много жёлтого и белого металла отягощает душу. Нам нужна аскеза. Поэтому тебе тяжело. Ты, мой красавец, нуждаешься в тех, кто после гаража тебя приносит домой к родной семье. Согласен: не всегда красота спасает мир. Она сама нуждается в спасении. Ты, безусловно, прав и в другом вопросе: никто уже не обижается на слово *жид*. Мы вернули этому слову его первоначальный высокий смысл. Это простенькая, всем известная аббревиатура: *Житель Иорданской*

Долины. После последней экранизации Николая Гоголя это слово означает человека иудейского исповедания и откровенной внешности. В этом коротком ёмком слове нет ничего оскорбительного. Есть мнение, что словечко *жид* означает всего-навсего кляксу на писчей бумаге. Смотри словарь Даля. Именно так употреблял его нами с тобой любимый Достоевский. У всякой провокации свои промокашки. Отношение русского народа к еврейскому можно понимать как отношение промокашки к кляксе. Впитывают. Ведь вспомни, Василий, в платоновском *Чевенгуре* мужики спрашивают коммунистов-революционеров, кто они такие. Один из них не без вызова отвечает: *мы международные*, припомнив звание Розы Люксембург как международной архиреволюционерки. На это следует другой вопрос мужика: *евреи, што ль?* Именно поэтому революционный коммунист, пронзённый обидой, тотчас обнажил саблю: *я тебя кончу на месте за такое слово.* Неужто слово такое жуткое, что призывает к жуткой расправе, это вроде как в жуткой тюрьме сказать: твоё место у параша. Причём усвой формат бреда: сказано не слово *жид*, а слово *яврэй*. Но если строго по-научному, Василий, что они тебе сделали, эти яврэй, почему у тебя вкуснейшая копчёная гузка израильской индюшки, выращенная ихними колхозниками под прикрытием ихней же военщины с воздуха, застревает в горле после того, когда ты опрокидываешь свои дежурные полстакана. Почему твои соседи и друзья, относящиеся к этому диковинному племени,

с пониманием, без всякой отрывки едят отечественное сало, которым еще ни разу не поперхнулись? При этом пьют молоко и кровь исторической родины. Василий, не верь всяким инсинуациям об израильской религиозной хунте во времена *распятия Спасителя* – это был спор внутри еврейского народа. Своего рода – междусобойчик, типа семейной ссоры в ихней думе. Ты сам знаешь, чего только среди своих не бывает при слабости вертикали. Да, не поладили, не пришли к консенсусу, страсти победили разум. Так что, впервой? Согласись, братоубивцы были во все времена и у всех народов... Сократа тоже свои замочили в казематах. Евреи ничуть не лучше и не хуже. Конечно, Василий, есть такие вещи, которые легко проглотить, но непросто переварить. Как быть с той мульткой, по-научному версией, которую пустили по миру, что сам Христофор Колумб в детстве был евреем. Даже его кот был евреем. По крайней мере, еврейскими были губы, как еврейская часть кошачьей мордашки. Они его предательски выдавали. Я понимаю меру твоего негодования по поводу этой сомнительной правды, но что поделаешь, время было такое, Вася. Хотя своего кота он любил. Было время перемен. Ты говоришь, подлое было время, что евреи лезли во все европейские дела, что они дискредитировали имя Отца. Они дезавуировали европейский гуманизм, самого Главного Инквизитора. Они стали причиной раздражения важных птиц в немецкой земле уже в наши времена. О чём и написали некоторые знаменитые германские мастера в своем

письме, адресованном фюреру, уставшему от еврейской Америки, иудаизированной Европы, жидовской России. А русско-немецко-польско-американо-румынско-китайско-индийско-арабского Израиля тогда ещё не было на свете. Ты, конечно, всеми фибрами чистой души чувствуешь, что такая Европа, такая Америка и такая Россия всё-таки лучше, чем если бы оказалась Европа с коричневой чумой. Кому как не мне тебя понять и в эту тяжёлую минуту обнять. Но зачем тебе в этот светлый миг прозрения еще четвертый стакан? Зачем?! Из какой тайной канцелярии русофобского рейха тебе его просунула в просвет истины невидимая рука бытия вместе с проколами сионских мудрецов?

Василий, я знаю из твоего письма, что ты окончил вечерний университет марксизма-ленинизма, поэтому знаю, кому пишу. Но и ты должен знать правду о том, что христианство есть тайное оружие евреев – так евреи отомстили Риму за гибель Второго Храма, внедрив в римское общество еврейско-христианские слёзы, по словам того же Ницше, которые разрушили имперский Великий Рим. А потом они уже через Польшу отомстили импортному Третьему Риму, потому что Второго Рима уже на свете не было. Третий – под горячую руку попался. Сидела бы Польша тихо, не будила лихо... Потому-то ты и страдаешь, мой хороший, а вместе с тобой и весь русский народ, который приютил еврейский хоровод на свою голову. В качестве трофея. Получается, что не повезло России с той тёмной троянской лошадкой, после

того, как царская вертикаль растерзала Варшаву. Это ещё тот народец, его от всей души взяли на попечение, а он взял да и сожрал всё *русское сало*. И не подавился. А ведь призыв к любви, утвердившийся в сознании интеллигентных масс, в качестве специфического изобретения Ешу, представляет собою на самом деле ветхозаветную заповедь. Мой далёкий корреспондент, еще рабби Акива ставил во главу заповедь *люби ближнего, как самого себя*. Поэтому я люблю поляков, украинцев и русских, как три стороны одной медали. Поэтому я люблю жидов, уважаю и люблю. Как в этой фразе отнестись к отрицательному и смешному этому слову? Кстати, об этом мне напоминает мой компьютер, мол, негативная экспрессия. Видишь, даже чёртово железо не хочет этого слова. Но из компьютера слов не выкинешь, они навечно остаются в мировом хаосе Интернета. Поэтому они тянутся к образованию.

Да, они тянутся к образованию, а кто сейчас не тянется. Все! Вот моему приятелю его давний приятель – ныне представитель какой-то правительственной конторы – говорит: напиши мне, дружок, диссертацию, а то мне неуютно на заседаниях ЮНЕСКО в Париже, когда ко мне с нежностью обращаются обалденные секретарши, у которых даже короткие серёжки бьют по голенищам их, кое-что вызывающих, сапожек. *Господин доктор! Господин доктор!* Я смущаюсь, мне как-то неловко, я ведь честный человек, и не знаю, как откликаться. Бабла-то я наскирдовал, а степени у меня, к стыду для Академии наук,

нет. Это – зло. Поэтому бабло должно победить зло. Я нередко краснею за эту академию, что нет соответствия между формой и содержанием. Ко всем обращаются с этим значением, а мне ведь тоже хочется. Что, я даром защищал Белый дом от распоясавшихся демократов и либертенгов. Напиши мне диссертон, я дам тебе такие чаевые, которые составят годовой заработок профессора *Оксриджа и Кембрифорда*.

Василёк, ладно, этот околоправительственный парень, не еврей. И мой профессор тоже не совсем русский. Если честно, то – русский, но местами, как бы пятнами. Однако вопрос не в нём, этом парне из Парижа. Вопрос: почему эти евреи так любят образование? Одни говорят, чтобы сразу из грязи да в князи. Другие – потому что они со своей Торой, которую им написали для их собственного развития и служебного пользования, так накуролесили в своё время, что не могут остановиться уже в наше время. Им нужны университеты для продвижения власти и захвата мира. Третьи полагают, что они через тайное знание Каббалы хотят завладеть всеми природными богатствами нашей Сибири и всеми красавицами чужеродного Голливуда, так как известно, что углеводороды, женские прелести и телевидение правят миром, а еврейский кагал правит углеводородами, эросом и телевидением. Фактически круг замкнулся. Четвёртые – что им денег некуда девать. Один Сорос чего стоит? Так он, этот еврейско-буржуазный выкормыш венгерской аристократии, бросил миллионы на образование своих внуков, а попутно кинул

миллиарды юаней на российскую науку и школу. Он что, хочет купить нашу гордость? А ведь у советских и постсоветских советских – собственная, так сказать суверенная, гордость и мы на буржуев смотрим свысока. Я только не понимаю, объясни мне, как можно смотреть свысока из твоего полуподвального офиса. А ты знашь и понимаешь? Так скажи во весь голос, гаркни на весь просвещённый мир, где их собака закрыта. Ведь граница открыта. И ставка в мировом конкурсе не бита. Вася, не верь, в конце концов, что если водка в ближайшее время подорожает, то это из-за заговора сионской ребятни. Если быть честным до конца, то скажу по секрету, я выведал через своих людей среди европейских масонов, *что секретным евреям, не всем, а именно – секретным*, нужна только дешёвая водка и бракованные презервативы именно для народа, а не для себя. Помнишь, им-то и *лениноталин* нужен не для себя, а для народа. Поэтому я бы поостерёгся думать, что они со всем своим интеллектуализмом будут пилить сук, на котором так уютно расположился их корчмарный кагал. Хотя есть мнение, что опилки ценных пород они могут употребить для своего глобалистского гешефта. Так как дешёвая водка – это тайное оружие секретных евреев для достижения мирового господства, по крайней мере в одной отдельно взятой стране, где мы с тобой и Маяковским *целуем над Гудзоном ихних длинноногих жен*. Таки губа не дура у Владимира Владимировича.

ВОПРОС О ЛЕНИНОСТАЛИНЕ

Когда случилась научно-техническая революция, *мачо с булыжником* поменял своё орудие революционного труда на маузер и стал символом эпохи. В интересном смысле этот мачо, поступив на философский факультет, мог использовать философский камень, найденный ленинской бурильной бригадой на каменоломне рядом с библиотекой Британского музея. Потом, благодаря вождю, камень был привезён в plombированном вагоне в Россию. Это сомнительное ископаемое сделали камнем преткновения нашей истории, чтобы потом воткнуть его в эту, как говорят, сытую и высокомерную Европу, но уже в виде оружия массового поражения христианской и иудейской морали и демографии. И, как сказал всё тот же поэт революции, *молчи, Европа, дура сквозная!* Короче, вы нам Маркса в подарок, мы вам *лениносталина* в отдарок. Сейчас каждый знает, что мы свою историю с демографий заложили в те далёкие годы, когда булыжник превратили в краеугольный камень политики и экономики великой страны. Потому-то он стал духовным оружием пролетариата, а пролетариат стал заложником этого булыжника. Вот почему стоит поставить (или – восстановить, ведь в далёкой древности знаки чадородия стояли на каждом перекрёстке, сейчас ими злоупотребляет реклама) памятник жизнелюбивым органам, а не тем органам, которые были решительно настроены, чтобы серпом и молотком по нежности в условиях чрезвычайного положения. Так сказать, экстрима. Быть

может, чрезвычайщина и началась из-за этого камня. Кстати, народ, прослышав, что крепкие напитки помогали в древние эпохи от чумы и холеры, стал непомерно их потреблять, чтобы противопоставить вождям хоть какой-нибудь иммунитет. Отсюда случался народный запой при той власти. Но только как превентивное средство. Ведь булыжник, ежели им вдарить по тому, что способствует процветанию, несёт смерть и способствует выработке гормона отвратина и ненависти, а нежности сеют жизнь, по словам поэта, *живительное семя*, то есть – разумное, доброе, вечное.

Меня спрашивают: как быть с зачинщиком? Лежать ему или не лежать в самом почетном месте, в самом респектабельном гробу, как мертвой царевне. За что ему такая сказка? Сплошное недоумение распространяется в народных низах и верхах. Я думаю, что его положили в саркофаг на временное хранение в условиях эпохи. Но эпоха эта закончилась! Или – не закончилась? Вот в чём вопрос. Если он сыграл историческую трагикомедию с нашим народом, зачем тогда хранить? Ведь мавзолей бросает мрачную тень на светлый кремлёвский плетень. Говорят, что под саркофагом первого вождя третий вождь прятал засекреченный ледоруб, который был использован для перевоспитания Льва Давидовича. Того второго вождя, который делил первое место с первым вождём и который одной ногой уже стоял на пьедестале почёта. Однако его стащили знаменитым крюком за другую ногу. Вот с тех пор всё и висит на

этом крюке, как лапти народа в музее революции.

Есть мнение, что вопрос о Сталине должен решаться исходя из глубочайшей идеи Фазилия Чегемского о курице, ощипанной и ободранной хозяином до кровавого мяса. Она постоянно лънула к хозяйскому сапогу, пытаясь укрыться и от палящего солнца, и от студеного ветра... Куры – не дуры...

Я не закрываю глаза на тот духоподъёмный факт, что в 1953 году немало достойных людей вместе со всем биробиджанским народом – а также с израильскими кибуцниками, прикрытыми с воздуха одноимённой военщиной, – оплакивали смерть менеджера. Говорят, что даже Черчилль в этот день выпил лишку и нервно курил сигару.

Также должен быть решен окончательно и бесспорно вопрос: если жертва насилия, будучи мазохистом, хочет через насилие получать удовольствие, то я вместе с историей умолкаю и пусть тогда говорят всякие психотерапевты вместе с криминалистами и педагогической общественностью. Историкам в этом случае сказать нечего. И честным, и лживым. Хотя, как заметил в своё время пронизательный Сервантес, лживого историка следует судить как фальшивомонетчика. Однако мы можем столкнуться с так называемым историческим гедонизмом и нарциссизмом. Это тяжёлый случай любовного отношения историка к самому себе, отягощённого влечением к мифам.

А я подумываю, что в наш век чрезвычайного гуманизма, чрезвычайного положения и чрезвычай-

ного поражения фальшивомонетчиков следует принимать на исторический факультет, но стипендию им следует выдавать тоже фальшивой монетой. Вообще-то было бы неплохо разделить исторические факультеты на две категории: одни бы занимались фальсификацией, а другие – дефальсификацией. Причём одни – в интересах дружественных стран; другие – в интересах недружественных стран. Конечно, нужно внимательно следить за руками игроков.

Ещё, мои дорогие, не мной замечено, что те, кто любит принцип фюреризма, повторяют сакраментально-замечательную фразу: *сталинана-васнет*. Получается, что для других они хотят Сталина, себе же они его не хотят. Он им нужен для нас, а не для себя. Они же не говорят: *сталинана наснет*. Сказать такое всё равно, что сказать – *чумынана наснет*. Кстати, себе они также хотят европейский уровень жизни. А для народа какой? Неужели они хотят напустить на народ чуму? Так вот, Сталин и его соратники (или подельники?) построили в своем сознании, так сказать, идею чрезвычайной крепости. Чтобы был идейный ров, чтобы во рву гуляли голодные медведи, издавая идейный рёв, чтобы на пиках сидели репродукторы, из которых лилась Ода их Радости – гимн разъединённой Европы. Конечно, тех душегубов нужно было бы искать по горячим следам и горячим слезам. Интересно, почему горячая кровь и остывшая кровь, превратившаяся в глину, действуют на воображение по-разному. Почему *кровь* с коньяком звучит, а коньяк с *кровью* – не очень? Или вот

появилась фирма в центральной какой-то российской области под названием *Русское молоко*. А я-то, по простоте душевной, думал, что молоко бывает коровьим или козьим. А к этим чудесным животным национальный ярлык не прилепишь. Или я не прав? Ведь додумались же где-то в нашей глубинке отчаянные головы из кулинарного техникума до фарша со скромным названием *юбилейный*. Вот она, ещё одна *детская болезнь*... Увы... Ну кто они такие, наши фюреры? Несомненно, они талантливые люди. Может быть, они гении, но – злые. Они люди, они фюреры, предводители, они веди. Они – олицетворение людоедских идей. Поэтому дело в идеях. Излечиться – значит избавиться от сатанинских идей. Однако гильотина здесь бессильна. Ведь эти идеи были не в голове, а в животе. Следовательно, нужен другой живот, который не порождал бы таких идей и вождей.

Дело не в *лениностаине*. Всё дело в так называемой радикальной *левизне террористического сознания* тех, кто захотел принести счастье человечеству в кровавых когтях, кто мечтал открыть дверь в светлое будущее кованым сапогом. Левизна убийц – это никакая не детская болезнь, никакая не детская игра. Это смертельная болезнь. Но у Ленина нет работы о *смертельной болезни большевизма в социализме*. Написал ли он брошюру о каннибалистических аппетитах спецконтингента? Нет! Простую такую книжку, не говорю же я о подарочном издании. Однако стоило сказать об этом Черчиллю в Фултоне и Цюрихе, так пошли обиды из Кремля. Мол,

негодует вся земля. Не позволим! Клевета! Тра-та-та, тра-та-та. Трактор в поле дыр-дыр-дыр, все мы боремся за мир. Черчилль, мол, ноздря в ноздю, заединщик с Гитлером. Хрю-хрю. С текстом Черчилля дети и внуки Молотова-Риббентропа как-никак справились: циркуляры по губерниям разослали, чтобы на учёт всех ставили, кто Уинстона слушал по запрещённому репродуктору. Но текст текстом, а как быть с подтекстом, который оказался неуправляемым. Поэтому тысячи и тысячи крепких ребят были посланы на невидимый фронт, чтобы вылавливать этот подтекст из народных мозгов. Попутно был наложен запрет на просмотр нежелательных снов, особенно цветных, и на иностранных языках. Вот в свете таких идей преломляется самый больной вопрос нашего времени: выносить ли Ленина из мавзолея? А вопрос: должны ли отдельные персоны взять на себя коллективную вину всего спецконтингента – сейчас уже упирается в другой вопрос: выносить ли одного и вносить ли другого? Ведь когда выносили третьего, хотели первому обеспечить больший идейный комфорт. Сейчас назревает шум, чтобы вынести и первого. На фоне шума с первым начался гвалт по поводу третьего. Вносить ли? Если его сейчас вносить, то на какие шиши другого выносить? Сплошная головная боль. Всем известно, если имеешь вертикаль, то боль начинается с головы. Откуда пошла односторонняя и некрофильская мысль по поводу головы, мол, *рыба с ...* ? Но хорошие вещи тоже начинаются с головы. Вот я и думаю, что мавзолей нужно

сообразить на троих; положить рядышком Владимира, Льва, Иосифа. Места там хватит на всех, ещё и останется.

ИЗВЕСТНОЕ ЖЕЛАНИЕ МАЯКОВСКОГО

Некоторые письма содержат критику того, что я обнародовал известное желание Маяковского, скрываемое министерством здравообразования и здравопросвещения от старшеклассников. Мол, *ночью хочется звон свой спрятать в мягкое...* Некоторые критикуют самого Маяковского за факт желания, а другие – самого меня. Но за что меня-то критиковать? Желание-то не моё, а Маяковского. И даже – не самого Владимира Владимировича, а его генома с хромосомами. Хотя у Маяковского было много разных желаний, например желание свалить всю вину на канареек, от которых возникла приостановка революционного процесса: *скорее голову канарейкам сверните, чтоб коммунизм канарейками не был побит*. Оттого-то всполошились *зелёные* и *красные*: одним жалко канареек, другим – коммунизма. Как бы то ни было, критика поэта, любого, даже великого, вполне оправдана, и я понимаю, что на скорую руку проблему взаимодействия логоса и революционного эроса не решить. Поэтому стоит остро вопрос о том, что является самым главным в мужчине и женщине с точки зрения педагогической и философской общественности? Именно она, собравшись духом на очередной конгресс, дала исчерпывающий ответ: мужчине желательно иметь

логос и кое-что еще. Один другому не мешает, если пользоваться ими по отдельности и по рекомендации министерства здравоообразования и здравопросвещения. Когда используется первый, второй – отдыхает. И – наоборот. А что самое главное в женщине? Соответственно – эрос повседневности и логос. Зачем мужчине логос! Чтобы реализовать свой эрос! А зачем женщине эрос! Чтобы реализовать свой логос! Действительно, у каждой девчушки свои погремушки. Если быть предельно откровенным, то, зажмурившись и спрятав голову в песок или под подушку, можно скороговоркой выдать, что служение Приапу не терпит суеты. Но всё-таки у мужчин на первом месте стоит логос, а у женщин – эрос. Я лишний раз убедился в этом, когда получил письмо от одной совершеннолетней корреспондентки с потрясающими формами правописания и правосознания. Она на листиках ученической тетрадки пишет, что у них, в небольшом фабричном городке, где вообще о древних евреях, греках и индийцах ни слуху, ни духу, девчонки из фабрично-технического училища *разобрались* с молодым и красивым попом, невзначай зашедшим по святому делу в их общежитие. Она передает свои взбудораженные чувства нервным почерком в чеканной формуле: *они его сделали*. Ну что тут скажешь? С одной стороны, об этом следует молчать. И не бросать отполированную *пятой колонной* кость жёлтой прессе. А с другой стороны, как быть с Зигмундом Фрейдом, с его венскими пациентами, которые в результате непро-

думанной акции царского правительства дикой гурьбой хлынули из гетто в российские университеты, лаборатории бомбистов и в кабинеты психоаналитиков? Как быть со свободой генома и непечатного слова? Хоть молчи, хоть кричи, суровая эта штука, ни в какой уголовный кодекс не влазит. Насколько известно по скучным сообщениям газет-толстушек и общеобразовательных телепрограмм-хохмушек по коррупции, сокрушительных мер наказания девчушки-подружки не получили. Не только потому, что священник-крепыш, руководствуясь высшими принципами человеколюбия, уважая иудаизм как жизнелюб, в ходе судебного разбирательства девчонок простил и все грехи им отпустил. В некоторых кругах с удовлетворением говорили: хорошо, что произошла история с попом, а не с равом, ведь дело могло выйти на орбиту международного скандала об актах сексуального антисемитизма.

Суд присяжных просто потерял дар юридической речи, когда ему открылся безбрежный реализм естественного стремления простоватых красавиц к гормональному счастью. После всего случившегося что подумают обыкновенный обыватель и простой интеллигентный товарищ о крике загадочной женской души в глухой ночи на наших просторах по версии этого гиперреализма? Что подумает общественность о Еврипидовой Федре, с её страстью к пасынку, или – об Анне Карениной, равнодушной, благодаря уникальному зарядному устройству,

к мировому эротическому электричеству. Здесь следует напомнить, что, если Анна, как определённый протуберанец чувств, тянется своими геномами к геномам Вронского, то не означает ли эта сермяжная правда, что объект данного влечения обладает прекрасными свойствами. Значит, получается, мужской пол тоже – прекрасный. Скажи, к чему ты тянешься, и я скажу, кто ты будешь в своих мечтах. Не может же божественная Анна, обладая уникальной, так сказать, эротической оптикой, тянуться к чему-то безобразному. Строго говоря, если высшие силы разделили человечество на два пола, то каждый из них имеет право быть прекрасным. Мы отмечаем ошибочную версию, что один пол – прекрасный, а другой – нет. Мол, ужасный пол тянется к прекрасному, а прекрасный – к непрекрасному. Нет, мои дорогие, такого не может быть по Замыслу. Тот парень, к которому потянулись фабричные девочки, однозначно прекрасный. И они сами по себе – прекрасны. Если нечто в человеке тянется к прекрасному, значит оно само по себе прекрасно. И наоборот. Перечитайте Платона, этого апологета рабовладельческого Эроса, воплощённого в мужской красоте. Кстати, этот вопрос не дает покоя и Люсе, той прекрасной Люсе, которая, наряду с нашей географичкой, определила одним махом сексуальную ориентацию всех мальчишек нашего класса. Той Люсе, которая совсем недавно начиталась какого-то радикала с обвинениями христианству по поводу его бесполости. Ах, Люся, Люся! Кто мог бы

подумать в те давние времена, когда за такое чтиво исключали с позором из школы, что подобные мысли захватят сегодняшнюю молодежь? Наших с тобой внуков! Поэтому лечиться нужно от так называемой эротической озабоченности и сексуальной зависимости. Говорят, скопцы эту проблему решили, их метод очень даже помогает. Но не кардинально. Дело в том, что вся наша страсть, магия воображения и музыка грёз идут из нашей генетики. Кстати, вот почему мы так любили географию. Дело в том, что у нас была фантастическая учительница, она обладала безумно восхитительным и мощно притягательным бюстом, что мы, слушая её, забывали обо всём на свете, пожирая глазами её монбланы, ничего не понимая в тонкостях географии, понимая, однако, что география так же прекрасна, как и обладательница географического знания. Ведь именно на уроках географии до нас доходило, что ноты любовной музыки записаны в геноме, который каждый приносил с собой в школу как ободранный портфель, что геном является высшей формой жизни, а человек – лишь одной из её многочисленных форм, возникший еще в далёкой древности в эпоху сексуального примитивизма.

Я не устаю повторять, что против генома нет приёма, а вся генетика человека завязана на голову, заточена на головные мозги. Она и управляется верхами благодаря строгой вертикали спинного хребта. В голове есть очень важные микроскопические штуки, которые отвечают за энергию Эроса. Стоит этим

штуковинам лопнуть и – всем привет. Бо-о-ольшой привет! И умопомрачительно колышущийся бюст тает в тумане, одинокий и невостребованный. Он как бы белеет, одинокий... Поэтому для того, чтобы решить раз и навсегда эротический вопрос, нужен не обыкновенный нож, а обыкновенная гильотина. А это похлеще булыжника, который восходящий класс *достаёт из широких штанин дубликатом бесценного груза*. Хотя корни этого факта тянутся в далёкое прошлое, к временам Евы и Адама. Эти времена никаким фиговым листком свободной прессы, тем более лохмотьями обездоленного класса, не прикроешь. Так что получается? Опять корень разрухи искать в Книге Книг. Опять евреи должны ответить за столь вызывающее поведение в решении демографических задач. И вообще, наказуемо ли стремление к демографическому и гормональному счастью по еврейскому обряду, с умом воспринятое продвинутыми людьми христианского извода. Наказуемо ли выполнение великого библейского категорического наказа, типа приказа: плодитесь и размножайтесь, который, наконец, поддержало наше правительство? Причём сказано было это в те далёкие времена, когда ещё не было никакого романтического антисемитизма, научного атеизма и сексуального бандитизма. Не было и никаких противозачаточных средств, как кошерных, так и некошерных. Не было и эротики на цифровых носителях. Не от этого ли требования пошла гулять по долинам и по взгорьям бессознательная тяга одного прекрасного пола

к другому прекрасному полу. Ужасного же пола, как мы договорились, на свете не существует вообще.

Откуда взялась эта тяга в наших морально-чистых народных массах и как с ней быть? Тут даже великие мудрецы набрали в рот воды и всякой ерунды. Даже Лев Толстой, у которого влечение к женскому полу зашкаливало за опасную черту. А ведь известно, что у него вообще с этим делом были нешуточные моральные неполадки. Говорят, он с этим боролся, но, к счастью для мировой литературы и своей жены, безуспешно. Поэтому его Анна – обворожительна, у нее просто-напросто талант женственности и гений желаний. Отсюда ясно, что никакая умная голова не может справиться, как показала современная наука, с энергией генома, не только у Анны, но и у Льва Великого и Маяковского. Причём Лев знал про Анну абсолютно всё, а Анна про Льва – абсолютно ничего. А это, мягко говоря, несправедливо. Хотя Маяковский кое-что знал про Льва и про Анну, но всю жизнь молчал по этому вопросу.

Отдельно стоит заковыка о геноме Каренина-мужа, задавленного аскетическими обстоятельствами царской России и номенклатурными дрызгами бюрократической прослойки; дрызгами, которые, однако, не смогли подавить желание нашей юной прелестницы. Как говорится: не можно класть в одну корзинку коня и трепетную лань. Так что Толстой тысячу раз прав в своём стремлении отождествиться с Вронским, а не с Карениным. Обладая высоким социальным статусом, живя на житных хлебах

в своём фамильном санатории, наблюдая нередко, он сам в этом признавался, за ядрёными крестьянскими молодимицами, полощущими бельё в интересном пруду в романтической позе, трудно оставаться аскетом. Это тебе не *секс-соцреализм* де-вушки с веслом в *парке кой-кого*. Несмотря на борьбу с этим делом, в которое его вовлекала законная жена, как бы страстью страсть поправ. Сейчас любовью начитанный и хорошо откормленный школяр знает, что Каренин-муж, как дрессированный механизм царской бюрократии, недостойн Анны-жены, как культурного и природного организма, как яркой представительницы мировой эротической воли. У паровоза нет энергии всемирного влечения к красоте, в нём клопочет всего-навсего закон всемирного притяжения железа к железу. Поэтому паровозная тяга не содержит романтики. В области высоких технологий не до поэзии. Здесь ггрррохочет неприкаянная проза. Здесь красота никого и никогда не спасет. Никакой робот мужского пола не обладает эстетическим правом ущипнуть робота женского пола за силиконовую попку. Даже в условиях офисной демократии и оголтелого либерализма. Это как бы моральный кодекс офисного распорядка дня, распространяющегося и на представителей высокообразованных людей. Опять нашла бездушная коса аскезы на благоухающий полевой цветок. Я уже молчу о той катавасии, описанной в величайшей Книге, которая стала причиной строгих запретов на инакомыслие и инакочувствие. Как вы догадываете-

тес, я имею в виду Содом и Гоморру. Но весь изюм в том, что ребята-мракобесы тех далёких времён, потеряв ориентацию между добром и злом, захотели ущипнуть не кого-нибудь, а самих ангелов. Вот и поплатились извращенцы-отщепенцы, диссиденты-отсиденты. Уклон от правильной линии не проходит мимо. На чужой каравай рот не разевай. Ведь ангелы созданы не для блуда, а для возвышенных проявлений души и утверждения духовного здоровья нации, вплоть до всем известной корпорации поэтов. А если учесть, что у ангелов вообще нет никаких силиконовых попок. Но даже если и есть, то в виде ароматизированного облачка дыма, тем не менее, наша учительница географии была сущим ангелом на всю нашу оставшуюся жизнь...

К ВОПРОСУ О НАШЕЙ СТОЛИЦЕ

Некоторых моих читателей смущает, что я с превеликой симпатией пишу о нашей столице. Да, я её люблю. Да, она видится мне не Новым Римом, а Новыми Афинами и Новым Иерусалимом. Как бы два – в одном. А все московские заморочки с идентичностью и поисками своего места в мировой истории обречены на провал и карнавал, так как Третьего Рима уже никогда не будет. Как не будет у нас с вами еще одного детства. Стихи о детстве могут быть, вероятно – будут. А вот самого детства уже никогда не будет. И юности не будет, но если доживём до старости, то переживём несчастное детство. Потому что мир изменился до такой степени, что

стремление стать Новым Римом, с одной стороны, бесперспективно, а с другой – отдаёт скандалом и безвкусицей.

Я соглашусь с тем, как мне пишут, что чем больше коррупции в стране, тем роль столицы возрастает. Но верно и обратное: чем больше роль столицы, тем больше коррупции в стране. Поэтому я считаю, что нужно проводить выборы столицы. Следует проводить ротацию не только кадров, но и столиц. Нужно ввести дух здоровой конкуренции в борьбу за преференции. После честной борьбы под ковром избирательных технологий можно будет объявлять по главному репродуктору страны, что в результате народного волеизъявления в ходе непредвзятого референдума в условиях уверенной аристократии, так называемого нового дворянства, и при всё той же уверенной бюрократии, хоть и дрессированной, такой-то славный град на определённый, строго отмеренный срок обретает суверенный правительственный стол. Все ликуют, в небо – салют, над осчастливленным градом разгоняются облака, вводятся столичные правила, распутываются коррупционные сети, пресекается престижно-потребительская спесь. Завозится из провинций на телегах и санях шикарная снедь... Вся лишняя добыча прежних властей, доставленная из всех волостей и губерний, сдаётся в Гохран и в Комитет по защите детства. Через строго назначенное время – другой славный город в результате очередных выборов вступает в должность столицы. Все ликуют. Миллион белых голубей.

Миллион алых роз. В небо – салют, вводятся столичные правила, распутываются коррупционные сети, пресекается престижно-потребительская спесь. Из провинций завозится на телегах и санях шикарная снедь... Ведь если отказаться от выборов, ротации, снеди, то могут возникнуть такие социальные мутации, когда столица примет всерьёз свою исключительность и начнёт о себе думать, что вся страна должна платить ей дань. Что столица – это сердце и голова страны, а провинции – это сопутствующие ей органы, вплоть до самых сомнительных и демонических, которые не только достаточны и необходимы, но от которых стыд и срам. Ведь беда в том, что столичные жители, если их оставлять без присмотра, впадают в неоправданную гордыню из-за близости к власти как сласти. Впадают они в некоторую обманчивость валютного достоинства, не обеспеченного реальными платёжками по поводу процветания. Ведь нельзя строить пивларьки и шикарные ночные клубы по принципу экономической необходимости и политической целесообразности, а туалеты, плавательные бассейны и университеты – по остаточному принципу нецелесообразности.

Однажды и я обжёгся из-за тяги на эксклюзив столичного потребления. Во времена брежневской оттепели приехал я, полный молодецкого задора, из своего медвежьего угла в первопрестольную погреться в аспирантском общежитии, что в Ясенево. В один из восхитительных дней, возвращаясь из магазина, поделился, окрылённый, с милыми

бабулями-вахтершами радостью, что посчастливилось мне купить в ясеневском гастрономе три большие пачки индийского чая со слоником. Мол, в далёком Биробиджане буду с друзьями чаи гонять и вас с любовью вспоминать. Сказал, правда, что мне не понравилась потасовка в очереди за провинциальной снедью, которую учинили местные жители, обидавшись на калужан и туляков, имевших, как назло, тот же советский паспорт, одну и ту же столицу и одну и ту же очередь к благополучию.

Как оказалось, сдуру ляпнул. Когда поскакал на одной ножке, счастливый до неприличия, по лестнице на свой этаж, вдруг услышал чуткой спиной, как зашушукались бабульки по данному факту. Говорят, что понаехало тут *овно всякое, а нам, москвичам, шиш да хе*, хе* да шиш. Вот так, слово в слово (уж прости меня, читатель, воспитанный на тургеневских девушках). Стыд за напрасно выстоянную очередь в ясеневском универсаме и за собственную необузданность поведения обдал меня с головы до пят. Застряла в горле горечь от слов, которые чуть не сорвались с цепи в сторону бабусь. Запершило в горле от лексических вольностей в духе Генри Миллера, и горлу стало больно. Захотелось вернуть награбленное и покаяться перед оскорблёнными и обворованными первопрестольцами, и впредь всё купленное сдавать на вахту чуткому электорату, чтобы с чистой совестью и с чемоданом, набитым классиками марксизма-пофигизма, улетать в родной Биробиджан.

Вообще, не сочитите меня отъявленным врагом прогресса, ретрогадом и ретроградом, но я думаю, что мегаполисы – это проклятье человечества, но без которого люди уже не могут чувствовать полноту жизни. Им нужен мегаполис для столичного самоутверждения. Что первопрестолить не совсем приятно, что фантом третьего или какого другого по счёту Рима есть разновидность психического расстройства или синдром детского сознания, что пора взрослеть, что инфантильность – удел слабаков, впавших в манию величия до неприличия. Что не всякому сгодится всякая шапка, что не Афины создали греков-афинян, а греки-афиняне создали Афины. А только потом Афины с Иерусалимом создали весь мир.

Но почему народ не понимает, что наличная столица может быть и должна быть только Новыми Афинами и Новым Иерусалимом, а не Новым Римом, причём периода упадка и припадка. Что их туда так тянет? Мы за ценой не постоим, отгрохаем мы Новый Рим, в котором самое притягательное – много жратвы, зрелищ и юриспруденции.

Кстати, один мой студент, выражая мнение, сказал, что хочет переехать в столицу, чтобы учиться на юриста, так как в ней много ночных клубов и развлечений, а в зоопарке много диких политических животных, которых от скуки можно дразнить.

НЕСКОЛЬКО РАССЕРЖЕННЫЙ ВETERАН СПЕЦСЛУЖБ

Из чудеснейшего московского района Ясенева мне пишет А.А., несколько рассерженный и до сих пор засекреченный ветеран спецслужб, о том, что ему близки Биробиджан и Хабаровск, где служил он на благо наших завоеваний. Особенно ему дорог Хабаровский педагогический институт, где проводилась замечательная операция по нейтрализации опасной группы свободомыслеющих студюзов, пожелавших приспособить молодого Маркса, предсмертного Ленина, посмертного Маяковского для критики бессмертного Сталина, которого уже определили на вечный покой под Стеной. Он мне сообщает, что я не прав, так как, выйдя из гущи народа, дошёл до геркулесовых столбов неприличия в осуждении политики. Тем не менее он не против и себя рассмотреть в разбитом зеркале той разбитной эпохи. Он мне сообщает, что самое интересное было то, что в те молодые времена он был в душе согласен с этими студентами, но – выполнял приказ. Поэтому, согласно регламенту службы, произошла некоторая перепутаница: руки оказались горячими, сердце – холодным, а голова – чистой от нормальной логики.

Уважаемый ветеран настаивает, что нельзя отождествлять рядовых коммунистов и властвующих коммунистов. Первая реакция: согласен! Подписываюсь! Однако потом задумался: откуда берутся эти властвующие? Из рядовых! Вестимо! Ведь если смело рассуждать, то откуда берутся алкоголики? –

из выпивох! А выпивохи – из умеренных! А умеренные? – из нормального и правильного народа. Но вся разгадка эпохи в том, что среди людей власти было подавляющее количество большевиков-экстермалов и крайне редко там попадались коммунисты-нелюдоеды, то есть умеренные. Однако ветер истории выдул их из партии власти. Вот тебе и различие между властвующими и рядовыми. Действительно, среди рядовых были мягкотелые либералы. Они были вроде хора в античной драме, пели то, что заказывала власть. Тех, кто выбивался из хора, отстреливали. Кадровый резерв – дело нештучное. А картинка кадров – такова: уже имеющиеся властвующие отслеживают среди рядовых тех, кто им сгодится в качестве подручных, потом воспитывают, потом переводят их в разряд властвующих. Быть может, дело даже не в коммунистах вообще, а в чём-то другом, что даже раньше коммунистов появилось. Например, хороший аппетит. Быть может, дело в человеке вообще, в первых троглодитах и пещерных вождях. Правда, говорят, что эти троглодиты уже были коллективистами, искателями счастья, равенства и справедливости. Ведь людоеды тоже плачут. О, романтики древних пещер, остановитесь, не то обязательно станете властвующими. Действительно, если одно племя в ратном труде коллективным образом побеждало и завоёвывало другое племя, то победители получали власть и делили по справедливости добычу, устраивая братский пир. Причём тем, кто жарил и жрал, было абсолютно

наплевать, что едят-то они тоже не каких-нибудь врагов-отщепенцев, а самых настоящих гомо сапиенс, но из другого племени, живущего на другом берегу речки или на другой стороне холма. Ведь на земле была первобытная коммуна для всех и были на земле одни рядовые, один к одному, как пули в обойме истории. Это потом стало понятно из тайной переписки вождей – сначала Маркса с Энгельсом, затем Ленина с Троцким, и, под завязочку, Суслова с Андроповым – что если есть на свете пещерный антикоммунизм, то есть и пещерный коммунизм. Это потом тот и другой вышел из пещер и напал на нашу страну. Короче, ударим пещерным антикоммунизмом по пещерному коммунизму. Только потом стало ясно, что жрать-то надо буржуев, они как ни как откормленные, хорошо пахнут, особенно их женщины и дети. Но их всё-таки мало, их не хватало на всю ораву голодного люда. Не поэтому ли приходилось нередко часть своих единокровцев объявлять врагами племени и пускать в пищу? Уважаемый А. А., мне понятна ваша ностальгия по тем временам, когда рядовых коммунистов поднимала в небо крылатая мечта, когда в жизнь было внесено новшество: хороших людей стали называть коммунистами, а плохих – антикоммунистами. Христиан, иудеев, капиталистов, феодалистов? Или тех, кто слушал враждебное радио по поводу пещерного коммунизма, вещавшего то ли из Сайгона, то ли Сеула на наш родной Биробиджан. Мне открылась кондовая правда, которую вы почти столетие прячете под

знаменитым саркофагом в пещере мавзолея. Настоящими антикоммунистами нашей эпохи были сверхретивые коммунисты. Антикоммунизм растили не на берегах Гудзона и Темзы, его лелеяли среди родных осин. Мой ветеран (или сокол?), именно ваши властвующие нуждались в чрезвычайном положении, чрезвычайной комиссии и в чрезвычайных врагах. Вот тебе три кита, на которых стоял твой любимый социализм, в одной отдельно взятой за горло стране.

Вот вы пишете, что везде были свои заморочки, мол, они, там за бугром, никакие не белые и пушистые, а в саже и шуршистые. И у них тоже была *охота на ведьм*. Поэтому они разожгли пожар. Да, была охота. Но каждой их *ведьме* был положен независимый адвокат. Не ведьма – ведьме, а адвокат – обвиняемому! А у нас? Обхохочетесь! Потом, сколько тамошних *ведьм* сгинуло в подвалах *внутренней тюрьмы*? Сколько тамошних подрывных элементов подверглось физическому воздействию – пыткам? И от кого вы защищали свое знамя, ставшее красным от внутренних органов мокрых дел? Как ни кати на *европоамерику* бочку дегтя, но палаческой власти по отношению к своему народу там не было. Хотя в Германии его разновидность имела место быть, но и – сплыть. *О, дева всех румянее... Германия, – позор.* Большевизм хотел раздуть мировой пожар. Не получилось, но в одной стране – получилось. Пожар – локальный, жертв – на глобальный тянет. Зачем же поливать пожарников, которые хотели

помочь пропадающим в несчастье погорельцам? Кстати, здравый ум может отличить пожарников от поджигателей? Вот тебе и вся тайна холодной войны.

Как сказал классик, всё дело в разрухе сознания. Главное преступление ваше – это убийство сознания. Вот она, эта разруха, во всём своем сволочизме: когда в наши дни внуку моего старого приятеля, десятилетнему ребенку-хоккеисту, в пятиминутку отдыха его же соратники по команде протягивают бутылочку *Фанты*, однако наполненной свежей мочой... За что? Почему юное! поколение выбирает! такую! *Фанту?! Я* ничего не имею против пепси с колой и против народа, избравшего хоккей. Но откуда такая разруха сознания?

Мне напоминают, мол, народ во время выборов общественного строя не может ошибаться. Но выборы того большевизма прошли под расстрельными списками. Чтобы управлять народом, поначалу понадобился расстрел, потом – страх, а потом – ложь и точечные репрессии. Поэтому ты так любишь историю, говоря о выборе народа, но тогда не забывай поговорку наших друзей по соцлагерю: *навоз не может быть невкусным, миллионы мух не могут ошибаться.*

Вообще, мой ветеран (или орёл?), нужно договориться, что не следовало бы отождествлять интересы простого люда с интересами корпоративных контор. А также следовало различать, что делалось для идеологии, а что – для людей. Отдельно навоз, отдельно мухи. О котлетах поговорим в другой раз.

Например, для людей было хорошо, когда Америка прислала подарок – трактор и лесопилку – в русско-еврейский кооператив *Волочаевские дни*, который находился в ста километрах от Биробиджана на берегу волшебной Тунгуски. А для вашей идеологии-мудрологии было хорошо, когда те, кто работал на этих машинах и восхищался ими, получили по десять лет лагерей за так называемое преклонение перед иностранным железом. Душа человека при социализме дождалась того, что в конце сороковых были введены в уголовный кодекс статьи: *превозношение американской техники* и *превозношение американской демократии*. Как будто американцы ставили перед собой гнусную задачу – развязать эту самую холодную войну, мол, они хотели подкузьмить нашу страну своей техникой и демократией. Говорят, тебе нравился кодекс строителя нового мира, который открывал перспективу для гуманизма в зоне мерзлой вечности. Твои властвующие переплюнули классиков: получилось – не *преступление и наказание*, а наказание как преступление. Ведь Ус, самый главный большевик, разделившийся с умеренными коммунистами, ваше знамя боевое и идеал эффективного менеджера, который решил, что выбирать рыбу из моря удобнее, если в него бросить бомбу. Вот и вся эффективность, она – в количестве вверх брюхом хвостов.

Ты признаешь, что с репрессиями вы перегнули. Слово-то какое! Мол, всё было правильно, но *перегнули*. Но то были, увы, не репрессии, а настоящая

война национал-большевиков с разноплеменным и многогородным народом. С года *великого перелома* развязали твои командиры новую гражданскую войну против тех, кто не хотел большевизма. Скрутили вы страну в бараний рог, и она мотала срок. Сейчас мы – расконвоированные, но потому что сгнили стены. Идейная блажь осталась только для служебного пользования твоим пропагандонам, чтобы охмурять Альбертов Эйнштейнов, Томасов Маннов, Бернардов Шоу и многих-многих порядочных людей. Да, большие люди клюнули на твою революционную романтику, которая якобы способна на чудеса. Социализма! – без кровавых клыков большевизма. Но в нашем отечестве, как известно, даже чахотка и каторга обретают романтический ореол. Чем большевизм в этом применении лучше каторги и чахотки? Гражданскую войну притормозила, но не остановила Великая Отечественная. Гражданская война не прекращалась и во время Отечественной. Только этим можно объяснить чудовищное число её жертв. Это как нужно было опустошить страну и выжечь душу народную, чтобы, например, дело было в самом начале войны, расстрелять перед строем восемнадцатилетнего светлого парня-добровольца за преступление перед страной, суть которого была в том, что он задремал на посту. Доброволец! Да, виноват! А его три старших брата прошли войну с честью, этот парень был их точная копия, но – задремал... Подвела парня физиология... Расстрелять! Не кажется ли тебе, что это преступление взбесив-

шейся власти, почувствовавшей свое бессилие и полнейшую безнаказанность. Ты говоришь о патриотизме. Ну какой же это патриотизм, когда выжгли самых смекалистых и умелых на просторах от Сочи до Могочи, от Крыма до Карыма. Ты говоришь, что без патриотической поддержки не было бы могучего перевоспитания отщепенцев от народной плоти. Ты говоришь, что народная плоть любит казарму, в которой натыканы подслушивающие *клопы*, как *этой силы частица*. А помнишь, ещё древние говорили: лес губят, а утки летят.

Сидишь ты, почти что голубь, на мягком итальянском диванчике, уставившись в японский ящик, цедишь элитный цейлонский чаек, жуешь французскую булочку с финским маслом и вспоминаешь, не брезгуя, про свою боевую молодость, которая бросала тебя в сабельный поход на трудовой народ, который поубавился и похирел благодаря тебе. Ты причмокиваешь от удовольствия, когда в *ящике* похваливают эффективного менеджера в белом кителе. У тебя, А.А., с твоей моралью победителей, есть в запасе некая хитроумь, ты говоришь, что вы проводили в жизнь новый социалистический гуманизм, вы защищали завоевания от наших врагов, а они, как бы это сказать, не в полной мере были людьми. Значит, и ваше наказание не было преступлением. А кто тебе сказал, что ты больше человек, чем они? Ну, мямлишь ты, талдычили это на занятиях по политграмоте, которые проводили оперуполномоченные в красных колпаках. Вспо-

минаю твоего сослуживца, как зашёл он в автобус, случайно подсел ко мне на сидушку, где я, движимый любопытством, развернул *Известия* с фоторепортажем о событиях у Вильнюсского телецентра. А он, гладковыбритый, с хорошим парфюмом, увидев картинки, завопил на весь салон: да дали бы мне, бля, танк, бля, как в Праге, бля, в августе нашей победы, бля, да я бы всех этих прибалтов-*балтов и всех прочих шведов-**вноедов, бля, намотал бы на гуськи, как велит мне мой долг, бля! Жутко мне стало от бля, который он вытащил из бронированной машины по приказу мудрозвонов с карательным сознанием, которое есть безумие слабых. С таким сознанием никогда не отшелушить истину истории от кровавых плевел террористических мифов. Зря ты хорохоришься, ветеран. Ведь ты не слышишь, что говорил древний мудрец: если ты взялся за оружие против своего народа, то ты уже проиграл. Ты думаешь, что танки – это средство для спасения души и построения социализма с перекошенной от ненависти рожей. Поэтому у тебя ностальгия по статистике по выпуску танков на душу населения. Но пойми – душу танком можно только раздавить. В танке можно только вляпаться в историю и всю страну вляпать... Эта машина тебя не спасёт. Сдаётся мне, что не в той пещере искал ты друзей и своё счастье. А что касается тех студентов пединститута, которые были у тебя в *разработке* и за которых ты получил очередную звездочку на голубые погоны, то они всего-навсего хотели воздуха свободы. Короче, если

ты по своей природе честный мужик, то признайся, что тебя, рядового, эти властвующие подставили...

О ЕВРЕЙСКИХ POGROM'AX

Вот пишет мне из солнечного Кейптауна господин Цвейгнис, которого я знаю еще по Биробиджану прошлых времён. Пишет, что в 1918 году революционные матросы с пением *Эх, яблочко...* учинили в лавке его деда так называемый еврейский pogrom. Да, учинили. С кем не бывает. Да, выкололи один глазик, но другой ведь оставили. Да, замочили нечаянно любимого дедушку в пивной бочкотаре. Но я сомневаюсь, что pogrom был по национальному признаку. Ведь дело было не в евреях как таковых, лавка то винная была, знатная лавка, её вся Одесса уважала. Сюда, в центр духовной жизни города, тянулся трудовой и служилый люд. А революционные ребята просто хотели немножко выпить, поговорить о светских девушках из народа, а потом послать в революционную столицу приветственную признательную телеграмму. Может, дедушку пристукнули из-за того, что он не любил революцию и неприветливо отнёсся к непрошенным гостям, дорогой мой Цвейгнис? Ну не хотел дедушка всемирного потока народного счастья. У него было какое-никакое еврейское счастье; не хотел он лезть на баррикады, не хотел он булыжника промеж глаз. Не хотел он быть охранником прометеева огня. Хотел он честно заниматься своим мелким бизнесом, который крышевал ему по идейным соображениям юдофил-урядник.

Но, ничего не поделаешь, жизнь не удалась. Одесса – это тебе не Кейптаун, тем более – не Биробиджан.

Дорогой Цвейгнис, ты, продолжая свою эпистолу, сообщаем, что вот дедушкиного брата, владельца керосинной лавки, гори она революционным огнём, никто пальцем не тронул, хотя фамилия и физиономия у него были те же самые. Выразительные и заразные, с которыми взяли же его вместе с этими революционными матросами на курсы политграмоты. Ведь спустя несколько лет стал же этот Цвейгнис, но уже с другой фамилией, доктором наук высшей категории и директором этих самых курсов, которым повысили статус и переименовали в университет. Правда, в 1937 году, после доклада о классовом чутье в древнегреческой кинической философии покатило дедушкино яблочко на поселение в вечной мерзлоте, потому что один из этих матросиков, надышавшись кокаина, сам захотел стать директором советской клинической философии. Вот тебе и жест против Платона. Скажите на милость, какой сучкоруб и дровокол не хочет стать директором лесоповала? Никто не отрицает, что тяга к директорству в человеческой природе, ведь, как было не раз замечено, любовь и голод правят миром. А против генома нет никаких превентивных средств: только гильотина или, в лучшем случае, контрацептив. Став же директором, ты сможешь получить и любовь народа, и неплохую закуску. Обыкновенная ротация кадров в условиях вертикали и сопутствующий ей тартар-

литавризм. Поэтому не надо мне петь про научный антисемитизм из славного Кейптауна, ведь есть немало других чудесных песен о главном, немало есть прелестных городов, где жизнь удалась. Вы, полагаю, догадались – я имею в виду Биробиджан.

ГЕНОМ РВЁТСЯ НА СВОБОДУ

Некоторые болезненные вопросы по проблеме здорового эротического воспитания молодежи заинтересовали одного безработного интеллектуала-слависта из швейцарского Базеля, что стоит на умопомрачительном Рейне. Он мне пишет, а я подписываюсь:

– Допустим, мужчина любит женщину по половому признаку, что это значит? А это значит, что геном почуял свет в конце тоннеля. Геном рвётся на свободу, как наш Рейн рвётся к Северному морю, как ваша, извините за пафос, Бира хочет слиться с Амуром. Ведь духовные заботы мужчины об астральном теле женщины, эта всецело духовная нужда женщины, которая становится материальными заботами мужчины, у которого нет других забот. И если геном стремится к бессмертию, то огненная жажда женщины становится духовной нуждой мужчины. И это не без причины. Хвала высшим силам за то, что они дали дочерям Евы пылающее лоно желаний, которое горит вечным райским огнем. Вы думаете, что красивых женщин-ведьм в средние века в нашем Базеле сжигали за их адское пламя? Ничего подобного, они томились сами, методом самосожжения, на собственном медленном райском огне.

Современная наука выяснила, что говорит мужчина женщине, которая ему нравится, и что говорит женщина мужчине, когда дышит ночь восторгом сладострастья. Они говорят друг другу: *а не стоит ли нам пройтица, там, где мельница вертица*. Не менее интересен и научный результат: что говорит мужчина мужчине, который ему нравится. Научные данные неопровержимы – они говорят друг другу: пошли кquam, дёрнем, пропустим, шуманём, посеребрим, взбодримся, жажнем, вздрогнем, засосём, застаканим, порюмчим, весельнём, загудим... Мужская страсть скупая, плохо скрываемая, тянет в алкогольный отдел супермаркета. Когда поют и пьют солдаты, то беспокойно музы спят. Духовное начало мужчины есть кристаллизация культурных достоинств аквы виты. Духовное начало женщины располагается всецело в риторике лона. Видимо, женская сексуальность в принципе не может выйти за рамки дикой природы, но она таинственным образом способна трансформироваться в духовное начало – божественный мужской эротизм. Её материальное начало – земля: *когда впервые капля дождевая упала на неё изнемогая* – становится духовной нуждой, духовной заботой мужчины. Поэтому мужчина по определению эротичен, а женщина по определению сексуальна. Внешним же образом желание мужчины также осуществляется в природной гамме нежности. Но над этим феноменом возникает нечто высшее! Стонущая и страждущая природа только в человеческом смысле, только в челове-

ском! – сопровождается культурным творчеством, которое также начинается прежде всего с риторики генома, но которая трансформируется в знаково-символическую ткань власти, социального успеха, в утверждение личностного достоинства хромосом и, что особенно важно, в песенное творчество и потребительский бум. Что делает мужчина, когда добивается успеха? Когда он счастлив? Он – поёт. Женщина же в этом случае молча уходит в себя, чтобы не вспугнуть птичку. Возьмите любого поэта; он не может без музыкального приветствия. Причём все формы культурного творчества органичны именно для мужчины благодаря уникальной возможности и способности дистанцироваться от телесных желаний, от всепожирающей страсти. Я поверил (поверил!) своим ушам, когда один знаменитый, ещё в силе, дирижёр сказал в телевизоре, что он из-за напряжённого графика гастролей и репетиций три года не был с подругой в интиме. Вот это, подумал я с восхищением, сила духа! Вот это – сила логоса и культуры! Вот величие мужчины-творца, который знает, что делать в своей одинокой постельке, причём ничего и никого не желая знать. Женщина же остаётся вечной пленницей своей природы: огонь её тела органично перетекает в светло-нравственную жажду творческого вдохновения у мужчин. От эстетики женственности всего один шаг до этики мужского воздержания. Женщине чуждо дистанцирование от собственного тела как дела. Я не могу представить женщину такого же высочайшего полёта, как

тот дирижёр, пышущую здоровьем и красотой, которая бы одиноко засыпала в своей всеми забытой постельке. Это мужчина, даже не сделав дело, может забыть про тело. Мужик должен ходить на работу. Музицировать. Пахать, сеять, дирижировать, редактировать, крутить бараний рог. Немножко шить. Мужик кое-что пережил, и был таков. Ему нужно делом заниматься, настоящим делом, если он заводной. Он пошёл на дело, оставив дома свое тело. Совсем по-другому это происходит у женщины. На работу или куда ещё она ходит вместе со своим телом. Женщина без тела как бы без дела. Она и оно! Идущие всегда вместе. Поэтому всё пережитое женщиной остаётся при ней. Именно поэтому женский фантазм не нуждается в нравственном оправдании. Он выше общественных норм, он свершается, как ему положено, в тайне, он не сопровождается, как правило, трубным гласом победителя. А ведь на самом деле красив молодой олень, величаво-печальный после соития, оглашающий лесосеку торжественным гимном. А видели ли вы молодую олениху, которая после randevу прыгает по опушке на одной ножке от радости? Поэтому за широко распространённой очевидностью: мол, женщина хочет любви, а мужчина хочет секса – скрываются далеко неочевидные вещи. Не будем кривить душой, могут быть и такие ситуации, когда женщина хочет секса, а мужчина – любви, причём хочет со слезами в испуганных глазах. Ну что поделаешь? Попался такой, бывает. Ну хотя бы такой, чем никакой. Строго говоря, женщина хочет от муж-

чины слез любви, а мужчина от женщины – свободы, культуры и творчества. И то и другое – прекрасно и необходимо для человечества. Но может быть и наоборот: женщина хочет секса, а мужчина – ребенка? А если оба хотят секса? Чтобы и в девках, и замужем? А если оба – любви? А если оба – ничегошеньки не хотят? Только – дирижировать! Как бы то ни было, у страсти есть только одно оправдание – тяга к прекрасному. Нравственное оправдание проходит совсем по другой линии. Когда Гоголя спросили: *Как вы оцениваете изобретение фотографии?* – он промолвил: *Изобретение хорошее, но хорошо ли оно с точки зрения развития человеческой нравственности?* Хорошо, что не спросили, что он думает об открытии стриптиз-бара на вашей Тверской. Совсем по-другому было с Богом, когда его спросили, как он оценивает собственное изобретение Эроса в эпоху Адама и Евы. Бог ничего не ответил. Он молчит до сих пор, но своё молчание доверяет словам поэтов. Единственным, которым не стыдно воспевать бесстыдное бешенство желаний хромосом, ради жизни на земле.

Отдельно напрашивается вопрос о словах для описания активности генома в его любви-страсти. В высоких кругах много крутых разговоров о том, что в русской речи нет соответствующего высокой культуре лексикона об интимных отношениях мужчин и женщин, у которых поехала крыша и с цепи сорвался ласковый и нежный зверь. Я думаю, как славист, что если нет слов, то и не надо. Ведь геномы мол-

чат, но это молчание красноречивее всей мировой поэзии. Можно даже сказать, что молчание генома первично-мировая поэзия вторична. Можно без слов. Можно только с музыкой небесных сфер. Ведь у зверей тоже нет слов, когда они под звездами улыбаются друг другу. Интим нам нужен для реализации генома, а слова ему только мешают, более того, слова могут увлечь совсем на другую тропу. Как заметил один мудрец, умение мужчин и женщин вести беседу в интимной обстановке резко снижает уровень деторождаемости. А это очень опасно для Европейского союза, в который совсем недавно вступил и ваш родной Биробиджан. Быть может, сложности со словами для описания этого дела есть просто-напросто защитный механизм природы и культуры. Природа не хочет, а культура не может, чтобы на эту тему раздавался нехудожественный свист. А по-хулигански это описывается на все лады и со всеми вывертами и фокус-покусами. Кто-то краснеет или бледнеет (в зависимости от политической ориентации) при этих словах, когда речь заходит о столь естественном деле. А зачем? Человечество должно решить эту болезненную проблему. Разумеется, не путем кастрации, а путем обожания. Думаю, что братство и взаимовлияние народов должно привести к новому витку взаимопомощи. Я предлагаю для этого дела использовать нужные слова братских народов. Например, в русскую речь можно ввести слова из китайского, а в китайский внедрить из испанского. А в английский – из нанайского, а в на-

найский – из древнегреческого или русского. И так далее. Будет и взаимовыручка, нужное благозвучие и выход из эмоционального дискомфорта.

Например, если ваши футбольные фаны будут использовать в критических случаях золотую латынь, то лексическое благополучие народа будет достигнуто без особых усилий со стороны правдоохранительных органов. А последние должны будут мягко парировать агрессивную лексику, например, на идише. Люди должны найти решение, когда они срываются с резьбы природного всплеска чувств.

Поэтому: свободу геному! Да здравствуют нежности всех народов, классов и наций! Благодаря им наша жизнь должна стать нежнее. Благодаря нежности станет возможностью глобальное потепление чувств на Земле.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЖАЮ НЕЖНОСТИ... / 6
ПРЕДПОСЛЕДНИЕ СУДОРОГИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В БИРОБИДЖАНЕ / 19
О ВЕРНОСТИ ПРИНЦИПАМ / 24
КАК ИВАНУ ДЕНИСОВИЧУ ПОМЕНЯЛИ ПРОФЕССИЮ... / 27
ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА, ИЛИ У ВСЯКОГО ВЕКА ЕСТЬ СВОЁ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ... / 37
ВОПРОС О КРАСОТЕ ЖЕНЩИН / 47
ВОПРОС ОБ ЭРОТИЗМЕ ЕВРЕЙСКОГО ПЛЕМЕНИ / 55
МОЯ РОДОСЛОВНАЯ / 70
ЖГУЧИЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ / 75
ВОПРОС О ЛЕНИНОСТАЛИНЕ / 91
ИЗВЕСТНОЕ ЖЕЛАНИЕ МАЯКОВСКОГО / 97
К ВОПРОСУ О НАШЕЙ СТОЛИЦЕ / 105
НЕСКОЛЬКО РАССЕРЖЕННЫЙ ВЕТЕРАН СПЕЦСЛУЖБ / 110
О ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМ'АХ / 119
ГЕНОМ РВЁТСЯ НА СВОБОДУ / 121

ББК 84(2Рос=Рус)7

Ревич И.М. Биробиджанские грёзы-2. – Хабаровск.
Р13 Издательский дом «Частная коллекция». 128 с. 2011 г.
ISBN 978-5-7875-0103-2

Продолжение иронического разговора с читателями о непрошедшем прошлом, о человеческом уделе, о любви...

© Ревич И.М., текст, 2011

© Издательский дом «Частная коллекция»

ISBN 978-5-7875-0103-2

9 785787 501032

Илья Михайлович Ревич
Биробиджанские грёзы-2

Художественный редактор *В.П. Буря*
Редактор *В.П. Беседин*, корректор *Л.И. Гарднер*
Издательский дом «Частная коллекция»
680020, Хабаровск-20, а/я 104/4. www.dvbook.ru
Отпечатано в КГУП
«Хабаровская краевая типография»
Заказ № . Тир. 100 экз.